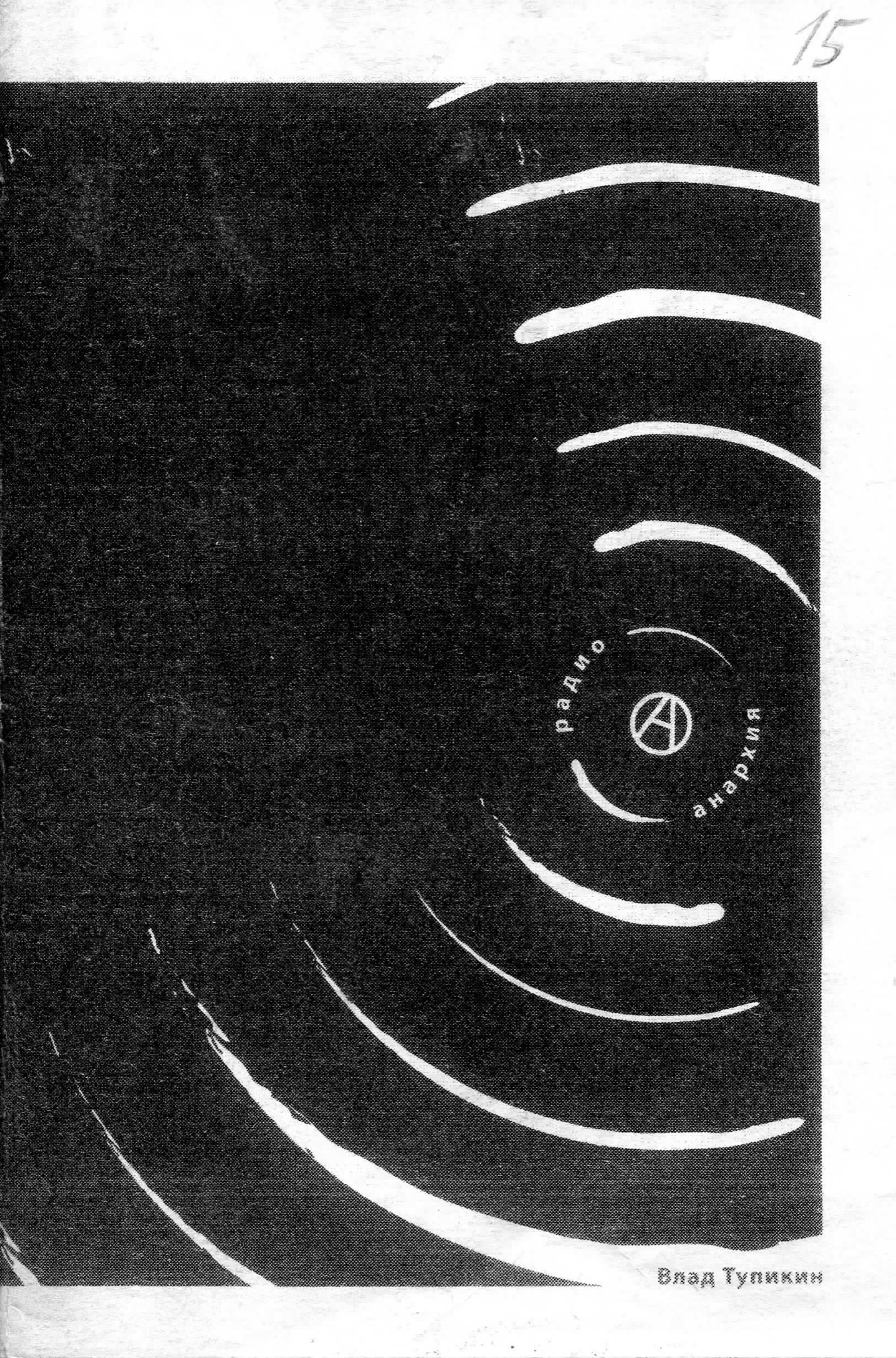
15

Влад Тупикин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Влад Тупикин

РАДИО "АНАРХИЯ"

Эти заметки писались для бумажного журнала Rockmusic.ru и главами печатались в нём в 2004 году - как авторские колонки. Как раз на пятой главе редакция журнала подверглась чистке или, говоря проще, была уволена. На этом проект Радио "Анархия" прекратил своё существование в журнальной ипостаси. Во что он воплотится снова - в другой журнал, в газету, в интернетовскую виртуальность или в настоящий радиоэфир - зависит от того, как в будущем фишка ляжет.

60 тысяч знаков кириллицей о Свободе - ужасно мало, я понимаю. Это не всё, что я хотел сказать о Ней, но всё, что покамест успел.

В качестве Приложения "А" представлен небольшой блок из двух материалов о революционных событиях 1968 г. В приложении "Б" - рецензии на три переводные книжки, вышедшие в 2004-м и претендующие на "культовый" (отвратное словечко, а что поделать: прижилось) статус в среде молодой интеллигенции - а не просто в анархистском или левацком сообществах. Все эти тексты также первоначально были напечатаны всё в том же журнале, ныне разогнанном.

Если заинтересуетесь - пишите на электронку **obschtschina@nm.ru** или наземной почтой: Тупикину Владлену Александровичу, **а.я. 80, М-208, Москва, 117208, Россия.**
Обсудим.

Беспокойство
Москва 2004

ПЕРВАЯ
БЫТЬ ИДИОТОМ

Знаете такую присказку: "Птица в клетке поёт о свободе. Свободная птица летает"? Красиво сказано, верно? Ещё есть популярное рассуждение на тему того, что анархисты, мол, говорят всё время о свободе, потому что им её не хватает, они, мол, самые несвободные люди. Сироты. Ага.

Ну, так вот. Я попробую говорить здесь о свободе. О свободе вообще и о тех правах и свободах, что попали во Всеобщую декларацию прав человека, в частности. И о тех, что туда не попали - тоже. И не потому, что я внутренне очень несвободен и зажат. Штука в том, что время течёт не просто так, а как бревно по горной речке. Случаются пороги, заторы. Иногда бревно может вообще выбросить на берег и оно там сгниёт, наполняя окружающую прекрасную природу печалью тления. Вот для того, чтобы этого не произошло, нужен кто-то, с багром, кто стоял бы на берегу, возле порога, и подталкивал бы бревно, чтобы оно плыло себе в нужном направлении. Понимаете, о чём я?

Скажем, дня четыре назад проснулось у меня большое желание увидеть друга Катю. Я, конечно, мог написать ей письмо по электронной почте, мог позвонить, но мне хотелось именно увидеть. А увидеть я не мог. Катя с мужем и сыном живёт в Берлине, я не могу ей так вот, слегонца, сказать: "Ну-ка, приезжай-ка". Не могу приехать и сам. Мы же не Масяня (ТМ) с Хрюнделем (ТМ). Нужны деньги, визы, визы за два дня не дают. В общем, сложности. Несвобода. У меня, в принципе, было два пути, кроме запасного, - получить визу или попасть в шенгенскую зону нелегально. Первое - муторно, второе - опасно. Могут посадить, могут убить. Мне бы только Катю увидеть, да на велике покататься, а они... Опять несвобода. Вышло же так, что пошёл я по запасному пути. Не переставая думать о Берлине и Кате, я поехал в город Петроград и, вот, сижу теперь в коммуналке на Литейном проспекте, тоже, между прочим, наслаждаюсь жизнью. Хорошо мне тут, у друзей. Но местной регистрации, опять же, не имею. А ну как мент в бдительном угаре решит проверить мои документики? Да я всего-то на недельку, к друзьям... Неважно. Придётся платить бабло. Опять несвобода. Странно, вроде как я границы не пересекал, так почему же я им должен? А если бы и пересекал, ну и что?

Логичные вопросы?

Часто ли вы задаёте себе подобные? Чувствуете ли вы себя свободнее день ото дня?

Ну что, будем говорить про свободу?

(By the way, (ТМ) в скобочках после имён Хрюнделя и Масяни чуть выше - это мои вам напоминалки о том, что оба этих образа - зарегистрированные товарные знаки, их нельзя просто так рисовать где хочешь, копировать, распространять. То есть, конечно, можно, и многие это делают, но за это может и прилететь от юстиции. И когда друг Нина переписывает мне видео с Масяней - она нарушает какой-то там закон или конвенцию, как их бишь там, об авторских правах. Просто нажимая кнопку "Rec.", становится чуть ли не преступницей. Ещё одна несвобода...)

Сама по себе возможность задаваться подобными вопросами - привилегия людей, лишённых страха не получить немедленного ответа, людей, не боящихся, что в сознании их всегда присутствуют какие-то вопросительные знаки. Вроде бы, это обычное человеческое свойство, естественное. Так почему же всё больше вокруг людей, жаждущих простых и ясных ответов, простых и ясных решений всех проблем, простых рецептов на все случаи жизни? Вроде бы жизнь - не Gallina Blanca (ТМ), но как часто начинаешь сомневаться в этом, глядя в отсутствующие, пустые лица соседей по метрополитену!

Анархисты концентрируются на понятии "свобода" потому, что вся история человечества - это история двух процессов, закрепощения и освобождения, какой бы сферы

жизни мы ни касались - политики и общественной жизни, науки и техники, культуры и искусства... История - это не абстракция, это наши поступки, сознательные и не очень, это то, что мы говорим и делаем каждый день, то, что мы соглашаемся терпеть и то, против чего бунтуем. И как часто так называемый "успех в жизни" обеспечивается за счёт отказа от свободы в пользу порабощения - материальными ценностями, должностями, положением в обществе или в микросоциальной группе... Иногда порабощение становится буквальным - в тюрьме, в школьном классе, в уличной банде, на работе человек чаще всего несвободен настолько, что буквально не имеет выбора. И тогда ему кажется, что единственный выход, единственное освобождение - суицид. Это неверно. Единственный выход - в борьбе.

Но я не буду перегружать эту книжку борьбой. Не потому, что плохо к ней отношусь. А потому, что борьба - это следствие. Мне же хочется говорить о причинах. Получится или нет - посмотрим. Ведь все мы, в известном смысле, рабы кувшина, - того, что у нас на плечах. Что сварит, то и придётся кушать. Я просто думаю, что мы в силах влиять на процесс готовки. Сознательно. Самостоятельно. По собственному разумению. Что ты туда заложишь, то и будет перевариваться.

И если для того, чтобы управлять собой и своей жизнью, придётся ссать против ветра, ходить по углям, орать песни поздно ночью или просто стать идиотом, отвергающим текущие социальные нормы в угоду собственным представлениям о должном, - значит, надо ссать против ветра, ходить по углям, орать песни. И быть идиотом.
Никогда не сдавайся!

[март 2004]

ВТОРАЯ
ДЕНЬ ВЕСНЫ БЕЗ ТРУДА

Всем известен праздник 1 мая - день борьбы и международной солидарности трудящихся. Но немногие знают, что он отмечается по всему миру в честь чикагских мучеников - пятерых анархистов, убитых государством по ложному обвинению после всеобщей забастовки в Чикаго 1 мая 1886 года. Забастовщики требовали 8-часового рабочего дня. В том смысле, что их тогдашний рабочий день был длиннее восьми часов. Забастовку подавили, организаторов убили, но в обозримом будущем рабочий день был ограничен восемью часами и в Северо-Американских Соединённых Штатах, и в других развитых странах.

Скажите теперь, многие ли из вас работают только лишь по 8 часов в день? Давайте на чистоту - случалось ведь и по девять, и по десять, а то и по 12? И случалось, что работать так приходилось неделями и месяцами, а ещё по субботам, иногда и по воскресеньям? Да и сейчас вы порой так работаете? Конечно, и сейчас. Иначе откуда у вас лишние деньги на покупку этой вот книжки и всякого прочего чтива и видео?

Прогресс чувствуете? Всего-то за сто с чем-то лет ситуация на рынке труда вновь скатилась ко временам до 1 мая 1886 года.

Это логично. Нельзя завоевать что-то на сто лет вперёд. Для себя, для детей и для внуков с правнуками. Можно - только для себя. Да и то на время. Каждому поколению необходимо заново или почти заново отвоёвывать себе человеческие условия существования.

В последние лет 10-12 население б. СССР о борьбе за свои права слегка подзабыло. Это уже отмечено и на знаковом уровне. День Революции 7 ноября переименован в День согласия и примирения (согласия с трудовым рабством, примирения с угнетателями), День Солидарности - в День весны и труда (так и быть, подставь рожу весеннему солнышку,

но о труде не забывай, на дачу, на грядки, въёбывать, сука!). Но не только на знаковом. В подкрепление всех этих знаков недавно, уже при Путине, и, конечно, с согласия продавшей интересы трудящихся фракции КПРФ, в России был принят людоедский Трудовой кодекс, который позволяет хозяину делать с наёмным работником если не всё, то почти всё. А с нового 2005 года, об этом уже объявили, - отменят все льготы нашим нищим пенсионерам - и по проезду, и по оплате жилья. Так, того и гляди, и сами пенсии отменят. А что? Пенсии, между прочим, - это тоже достижение рабочего движения, 100 лет назад их не было. За то, чтобы сейчас наши бабушки и дедушки получали пенсии, наши ещё более древние предки бастовали, сидели в тюрьмах, а кто-то был и убит за участие в протестах. Ну что ж, этому поколению хватило. А вот тем, кому сейчас лет 10 или 12, а то, может, и нам самим - точно ещё придётся за свои пенсии побороться. Или останемся мы без пенсий. Подыхать под забором.

Ладно, хватит чернухи покамест, нам тут вроде всем ещё далеко до пенсии.

Поговорим о чём-то более приятном. О том, как не трудиться. Об отказе от труда (не путать с безделием!).

Новое поколнение не хочет работать. И это хорошо.

Недавно, во время одной общественной дискуссии (бывает в нашей удивительной стране и такое, когда люди собираются не выпить, не потанцевать и не потусоваться просто так, а - подискутировать; нехуёвая, кстати, форма проведения времени) одна молодая, но стремившаяся говорить от имени "взрослых" НГОшница (словарик терминов см. в конце главы) посетовала на то, что молодёжь нынче не хочет работать даже за деньги - и уж, конечно, не хочет заниматься "общественной работой". Ну, если молодёжь сейчас действительно не хочет работать за деньги - так это же здорово. А то, что "общественной работой" её не увлечь - так это вы, господа, видно, не так увлекаете. Молодёжи с вами скучно, ей с вами, видно, даже спать не хочется.

Ладно, типа покаламбурил - и за серьёзку. О высоком общественном долге (если он есть) поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас поговорим о работе. Пора уже начистоту - столько веков стеснялись, увиливали, боялись говорить открыто... Теперь пора.

Работать НЕ НАДО (от работы кони дохнут).

Работа и рабство - слова однокоренные. И это не просто филологическая близость, это глубинное родство.

Отродясь, - и мы, и наши родители, и наши, славные или не очень, предки (но мы всё равно их любим, ведь без них не было бы нас) знали, что с утра, как сделаешь зарядку и почистишь зубы, надо пиздовать на работу (в школу), а потом, в девять, в восемь, если повезёт - в семь вечера (в три, в четыре дня, если ты школьник или школьница) можешь быть до следующего утра свободен, можешь "проводить свой досуг". Заливать глаза, стирать носки, чинить велосипед или заниматься сексом - кому на что сил и времени хватает. Так заведено. К этому все привыкли. И мимо этого, вроде бы, не пройдёшь.

Но альтернатива такому миропорядку есть.

Надо организовать человеческое общество не вокруг рабской дихотомии работы и досуга, а совсем иным образом. Производительность (чуть было не сказал "производительность труда" - тьфу! вот они - стереотипы и тупой автоматизм, вырабатываемые нынешней системой "школа-работа-кладбище") человеческого общества от этого, если надо, только возрастёт. Производительным ведь может быть не только труд. Вы лепили в детстве куличики? Строили крепости из снега? Катали ком для снеговика? Мой отец, светлая ему память, иногда зимою лепил со мной настоящие сказочные фигуры, очень красивые. У отца был талант скульптора, резчика по дереву и, думаю, он бы за одно-два лета спокойно выстроил бы с помощниками у нас во дворе сказочный замок для детей,

если бы только ему не приходилось каждый день монотонно вкалывать на заводе, а по вечерам скрашивать свой досуг употреблением алкоголя внутрь. Чувствуете, куда я клоню? Правильно. Производительной может быть и игра. А пример моего отца показывает, что играть человеку не надоедает даже в так называемом "взрослом" возрасте. Впрочем, таких примеров много вокруг каждого из нас, взять хотя бы все эти манипуляции с мобильниками - это же легальная взрослая игра. Чувак, будь он хоть трижды директор, только делает вид, что отправляет жизненно важную SMS-ку, а на самом деле его просто прёт от кнопочек и экранчика, от того, что его воля (в отличие от реальной жизни с её непонятливыми и строптивыми подчинёнными) реализуется немедленно и в точном соответствии с тем, чего хочет его левая задняя нога. Короче говоря, он играет.

Большинство, а если крепко подумать, то и все так называемые необходимые работы можно заменить процессом игры. Скажем, дети часто играют во врачей и пожарников (да в кого только дети не играют! Мы с девчонками пару раз играли в золотарей), так почему бы и дальше, набравшись знаний в процессе обучающих игр, им не ИГРАТЬ во врачей и пожарных с реальными пациентами и реально горящими домами - вместо того, чтобы врачами и пожариками РАБОТАТЬ?

Вы скажете: а кто же взаправду будет играть в золотаря с реальными какашками, от которых сильно воняет? Думаю, изрядную часть своих какашек (своё говно, как известно, не пахнет) каждый человек и человечица сможет перерабатывать сам с помощью био-установок в какой-нибудь полезный для сельскохозяйственной игры и менее пахучий компост (такие технологии существуют уже сегодня). А что до остатков, если таковые будут (скажем, в общественных туалетах), то тут надежда либо на жребий, либо (что вернее) на изменчивую человеческую природу - каких только перверсий она нам не дарит!

Когда мы придём к полному отказу от работы, к полному её вытеснению из человеческой жизни, для нас откроется много прекрасных возможностей. Можно будет заниматься сексом днём, когда полно оптимизма, энергии и выдумки, а не ночью, когда часто нет уже ни сил, ни желания, и когда, в конце концов, просто плохо видно. Не надо будет ломать голову, чтобы придумать, куда пойти вечером - так, чтобы по-настоящему испытать отдых. Проблема "досуга" будет снята вместе с проблемой "работы". Если игра утомляет играющих, то её обычно прерывают, пока не восстановятся силы. А потом снова играют - и так до вечерних петухов или до маминого крика: "Ва-ло-дя-а-бе-дать!" На больших строительных игровых площадках звать Володь, Ирин и Борисов к столу будут не мамы, а игровые бригады поваров и поварих.

Пользоваться плодами коллективных, парных и индивидуальных игр будут, само собою, все. Система извлечения прибыли, оборот капитала и тому подобная шняга отомрут сами собой. Вместе с государством, разумеется. Капитализм, наконец-то, уйдёт в прошлое и ему на смену придёт анархический коммунизм, общество свободной игры и творчества.

Если кто-то считает, что это совсем уж неосуществимая утопия, а я - вредный утопист, то я отвечу, что да, это утопия (а без утопии человек вообще не может; разве бытующие, скажем, в христианстве представления о Втором пришествии, Страшном суде и последующем Царстве божием на Земле - это не утопия? Пора уже отскрести от утопии налипшие при капитализме негативные коннотации), но такая утопия, которая прорастает сквозь рабское настоящее то тут, то там. Скажем, в одном маленьком аргентинском городке два года назад рабочие захватили керамический завод фирмы "Zanon", на котором сами работали. Раньше им запрещали навещать друзей в соседних цехах (и для этого одевали в комбинезоны разного цвета - чтобы сразу видно было, кто куда ходит), запрещали пить чай мате во время работы, взвинчивали темп производства (отчего неопытные, как пра-

вило - пацаны и девчонки, - попадали в машины, калечились и гибли) и недоплачивали зарплату. Во время кризиса 2001-2002 годов хозяева вообще прекратили платить, остановили завод, а работников решили выбросить на улицу. Рабочие же решили иначе. Они заняли завод, выбросили администрацию, восстановили производство, сами наладили закупки сырья, сбыт и охрану предприятия, все вопросы решают сообща. И так дела ведут уже два года. И им не надоедает. А ведь могли бы растащить горшки да плитку и пробухать последние деньги из сейфа директора. Но не растащили и не пробухали. Я не был в Аргентине, но я видел документальное кино про "Zanon", видел лица занятых там людей. Эти лица светятся счастьем и свободой. Потому что они уже не вполне РАБОТАЮТ на своём керамическом заводе, они на нём ИГРАЮТ.

Чтобы так стало во всём обществе, во всех странах и во всех городках, необходимы сознательные усилия и воля не только в общепланетарном масштабе, но и на каждом рабочем или учебном месте. Утопия осуществима.

Viva la Utopia!

Словарь терминов:

НГО: негосударственные организации (встречаются также другие названия того же самого - НКО - некоммерческие и НПО - неправительственные) - как правило, вполне безопасные для Системы структуры, в которые пытаются канализировать общественную активность с помощью различных фондов продвинутые капиталисты и государства. На Западе довольно часто встречаются НГОшники, не продавшиеся Системе с потрохами. У нас - крайне редко, можно сказать, почти никогда.

Дихотомия: ебу я, как это на русский переводится... Словарь иностранных слов куда-то задевал. Извините, писал я этот кусок практически во сне, слово само всплыло, но оно на месте стоит, стопудово, да и смысл из контекста даже мне понятен.

SMS: система коротких сообщений, придуманная специально для того, чтобы отвлечь затрахавшихся работать людей от мысли, что можно и не работать, а играть всю жизнь, причём значительно интереснее и здоровее, чем в SMS или в компьютерные игры.

Коннотации: что-то типа значений, не парьтесь, это я просто для красоты.

[апрель 2004]

ТРЕТЬЯ
КОГДА ОНА ДВИНЕТ СОБОЙ

Как только наступает лето, горожане начинают собираться в дорогу. Кто-то встаёт на трассу, кто-то стартует с жел-дор-вокзала, кто-то - из аэропорта. Но где границы нашей ойкумены, как далеко и насколько свободно мы способны забраться? Ну, к друзьям в Питер (в Москву), на Украину, на Урал, на море. Лучше, конечно, поюжней и потеплее. Скажем, немецкие панки едут куда-нибудь в Испанию или Италию, Греция тоже подойдёт, наиболее предприимчивые (что в их случае совсем не означает - наиболее состоятельные) добираются до Туниса или, - не сломать бы язык, - до Великой Социалистической Народной Арабской Ливийской Джамахирии (и обнаруживают там, кстати, что не такая уж она социалистическая и народная, да, по правде, не такая уж и джамахирия, хотя, определённо, арабская и ливийская). А мы, а наши знакомые и незнакомые соотечественники?

Если просто так, то максимальный предел - Азовское, Чёрное... Анапа, Сочи, Казантип, Коктебель... Дальше? Дальше начинаются проблемы - загранпаспорта, приглашения,

визы, время и деньги на всё это. Но всё же наш человек, пусть и не очень богатый, может переместить себя за границу по своему желанию. Надо купить тур или завести за рубежом хоть как-то обеспеченных друзей (живущему на пособие в той же Германии никто не даст позвать в страну ещё и иностранного оборванца), или бизнес-партнёров, чтобы они тебя пригласили.

Есть ещё маленькие хитрости, для каждой страны свои, ни в каких правилах не прописанные, но существующие и часто весьма вредные, о них надо выспрашивать у опытных ездоков. Скажем, для въезда в Германию необходимо иметь копию приглашения, иначе могут не пустить на границе. То, что приглашение отбирают в немецком посольстве ещё до оформления визы, а о необходимости его копирования никто не предупреждает, пограничников не волнует. Вот показательный пример: не так давно один хороший человек, москвич, собрался поехать в Германию. Сам коренной немец, родившийся в Германии в 1929 году, забритый весной 1945-го агонизирующими фашистами в отряды "Фольксштурма" и не успевший сделать ни одного выстрела по Красной армии, он попал в советский плен, а затем и на советскую территорию - прямо в ГУЛаг, отбывать свои 12 лет ни за что. В 1956 году немецких военнопленных по специальному договору с ФРГ возвращают в Западную Германию, но договор распространяется только на солдат и офицеров, служивших в регулярных частях. Про ополченцев, на многих из которых в Германии и списков-то никаких не осталось, забывают. Повзрослевшие в русских лагерях немецкие пацаны, теперь уже люди под 30, навсегда остаются в Советском Союзе. Остаётся и наш герой - получает русскую фамилию и отчество, а потом и паспорт; по-русски же Виктор давно уже говорил без акцента. И вот проходят годы и этот же человек уже на старости лет начинает разыскивать немецких родственников, которых он никогда не видел; в этом помогает ему немецкое посольство в Москве, сводит знакомство с необычным советским немцем и сам посол. И вот летит наш герой, гражданин Росийской Федерации, по официальному приглашению в Германию. Самолёт приземляется в Берлине в пятницу вечером, копии приглашения у Виктора с собой нет (никто же его не предупредил!) и немецкие пограничники не пропускают его в аэропорту. Говорят, вас встречает кто-то? - Зачем? Я сам доберусь, язык, слава богу, не забыл. - Нет, так не пойдёт, говорят пограничники, давайте тогда позвоним в пригласившую вас контору. Знаете телефон? Виктор знал, но вечером в пятницу никого в бюро уже не оказалось. Ну, что ж, вежливо говорят пограничники, если так, то мы вас или сейчас сразу обратно отправим, или посидите у нас тут в КПЗ до понедельника, а там, глядишь, всё и разрешится. Представляете себе ситуацию? Человек в возрасте за 70, проживший тяжёлую жизнь, человек, перед которым сильно виноваты и Германия, и Россия, зависает в промежутке между двумя странами и ему предлагается просто так, ну, чисто на всякий случай, посидеть в тюрьме двое с половиной суток (виза на въезд в страну, при этом, у него есть). Как схватило человека государство в 15 лет, так и держит, не отпускает. Представляете, что творилось в его душе в те минуты? На счастье, летел с ним одним рейсом и немецкий посол, и выходил он из самолёта позже Виктора. Увидел всю эту суету, узнал нашего героя и вступился за него. После унизительных упрашиваний пограничники всё-таки пустили Виктора в родную Германию.

Какие нечаянные радости поджидают постсоветского человека при пересечении границ многих других стран, я просто не знаю - я, всё-таки, не Фёдор Конюхов.

Стоп-стоп, а надо ли нам за границу? Ну, это кому как. Нелюбознательным или пугливым, может, и не надо, но вообще-то, священное право на свободу передвижения не должно быть ограничено никакими препятствиями. Не должно, но постоянно ограничивается, в том числе и при передвижении по своей стране. Ведь что такое пресловутые

регистрации иногородних в Москве и других крупных городах, как не такое наглое и позорное ограничение?

А откуда вообще взялась вся эта похабень - визы, прописки, паспорта? Ведь не из маминого же лона мы вылезаем с надлежащими бумагами и печатями? Я скажу, откуда. Это неизжитое наследие рабовладельческого и крепостнического строя, когда частные лица и государства открыто торговали людьми. Сейчас частная работорговля в большинстве стран запрещена, государственная же, в изменённой форме, процветает. И все эти паспорта (помню, помню ещё откровенно феодальный лексикон военкомата: приписной лист) - ни что иное, как свидетельства о собственности госорганов на людей, а прописки и визы - чеки, свидетельствующие о временном перемещении либо переуступке товара.

Кстати, о товарообороте. Всякие неодушевлённые предметы - полезные ископаемые, овощи/фрукты, изделия промышленности и т.п. довольно-таки спокойно пересекают государственные границы. Также разрешено делать это деньгам, информации, наконец, зверям, рыбам и птицам. Есть, конечно, таможня, но режим, во всяком случае, на Западе, имеет тенденцию к ослаблению. Перед людьми же выстроены особые препятствия, которые всё растут год от года. Правительства западных стран рады видеть у себя сибирскую нефть и газ или экзотические фрукты, но почему-то не рады видеть сибирских и прочих экзотических людей, если только они не приезжают к ним покупать футбольный клуб "Челси" и ещё пару-тройку заводов, газет, пароходов впридачу. Что за абсурд? А как же свобода передвижения? А никак. Плати бабки за свою свободу.

Те, кто с такой постановкой вопроса не согласен, организовали в последние годы в Европе антиграничное движение (впрочем, подобные инициативы есть и в Северной Америке, и в Австралии). Европа покрылась сетью антиграничных лагерей. Активисты (как правило, анархисты и панки) селятся в палатках возле границы и всяко общаются с приграничным населением (как правило, с деревенскими). Разговаривают, поют хором, играют в футбол, устраивают "Весёлые старты" для ребятишек. И всё для того, чтобы местные не сдавали пограничникам и ментам нелегальных перебежчиков границы, даже за иудины 30 сребренников, которые власти сулят за каждую отловленную человеческую голову. В последние четыре года проходили подобные лагеря и в Польше, вдоль границ её восточных соседей - России, Украины, Белоруссии и Литвы. Только товарищи бывшие СССРовцы не особо жаловали эти лагеря своим посещением. Получается странно - поляки, те давно уже без виз могут кататься по всей Европе, но вместо этого сидят в своей восточной глуши, чтобы отвоевать это право для нас. А мы...

При этом, нельзя сказать, что наш человек не активен и не предприимчив. Каждый, в принципе, старается для себя. И только для себя. Моя знакомая Маша лет пять назад ходила из безвизовой тогда для русских Чехии в Германию - просто так, через горы. Неделю протусовалась на немецкой стороне и так же ушла обратно. Хорошо, что не подстрелили на границе - специальные отряды немецких "народных дружинников" с лицензией на отстрел перебежчиков тогда вдоль границы уже курсировали (по статистике, за 13 с чем-то лет существования единой Германии, на немецко-польской границе погибло при попытке нелегального проникновения в Германию значительно больше людей, чем застрелили ГДРовцы беглецов в ФРГ на немецко-немецкой границе за все 40 лет существования Германской Демократической Республики. При этом, бывших ГДРовцев, ответственных за эти дела, судили и в тюрьмы сажали, а своим - ничего, им стрелять можно). Мой знакомый панк Жабер (тот самый знаменитый Жабер, организатор андеграундного "ППЖ-видео", много лет украшающий собою московские улицы и сыгравший даже в фильме "Копейка") побывал подобным образом в Германии дважды. Второй раз был пойман, по-

сажен и затем выслан. А вокалист минской, ныне, увы, распавшейся панк-группы "Hate To State" Витя Мао прожил нелегалом в Гамбурге вообще года четыре, пока его не поймали (дальше как у Жабера).

Некоторым везёт меньше. Два пацана с восточной Беларуси с год назад заплатили одному предприимчивому водиле по 150 грина, тот загрузил их в фуру, забаррикадировал товаром и через двое суток высадил посреди Берлина. У пацанов не было 4-х евро на метро и потому они поехали подавать в специальное ведомство заявления на политическое убежище зайцами (гражданам Беларуси - из-за недемократичности Лукашенки - иной раз такое убежище на Западе предоставляют; многоуважаемые россияне могут обломаться - Россия с её чеченской войной и внутренними барьерами для своих же граждан признана светочем демократии). Не тут-то было - в метро они напоролись на контроль, контролёры быстро сдали их полиции и, пробыв в Германии часа два (Берлин совсем рядом с польской границей, меньше 100 километров), они отправились в тюрьму Грюнау, где я в компании немецких леваков-правозащитников их и навестил полгода спустя. Любопытно, что помощь в тюрьме им оказывают именно немцы, политические противники ныне существующего немецкого государства, а вовсе не многочисленная, тысяч в 200, русскоязычная община Берлина.

Не думаю, что все русские, живущие тут - мелкие задницы, просто они перенесли сюда, на новое место жительства, жуткие советско-постсоветские привычки крохоборческого индивидуализма и антисолидарного поведения. Местная еженедельная русскоязычная подтирка на 28 страницах плюс телепрограмма и объявления, претендующая голосить от имени всех русских, пытается быть святее папы римского и выступает с позиции, которую коротко можно сформулировать так: "Хватит, мы уже приехали. Мы - здесь. А всяких там нелегалов - гнать поганой метлой! Нечего им сидеть на шее у великодушного немецкого государства (у него на шее не так много места, а мы уже привыкли сидеть тут и сосать социальные пособия)".

Поэтому значительно приятнее встречать за границей не русских, а кого угодно ещё, скажем, того латиноамериканца, которому я уступил бесплатный интернет в берлинском анархистском кафе. Увидев на экране баннеры, набранные кириллицей, чувак в пончо тут же воскликнул на понятном всем нам языке: "O, Rossija! Towarischtsch! Spasibo!"

И я думаю, что за такими, межконтинентальными и межрасовыми проявлениями дружбы - будущее. А границы мы ещё коллективными солидарными усилиями похороним. Вмете с государствами, которые их нагородили.

[май 2004]

ЧЕТВЕРТАЯ
ГОРЛО СОБСТВЕННОЙ ПЕСНИ

Интернет принёс дурную весть (одну из многих, впрочем, прошедшим летом): в России принят закон о запрете электронных библиотек. На сайтах теперь нельзя хранить тексты книг. Всё это обосновывают соблюдением авторского права и чего-то присовокупляют про свободу слова. Об авторских правах мы поговорим в другой раз (о, вот это тема!), а вот что такое свобода слова?

Свобода слова - это свобода высказывать свои мысли вслух, а также в письменном виде, без опасения за то, что за это самое высказывание ты будешь наказан (наказана). Понятно, что в современном мире свобода слова немыслима без свободы печати и свободы высказывания в эфире и в виртуальном пространстве (в интернете). Считается, что в Советском Союзе свободы слова не было (и это правда), а вот зато теперь, в постсоветской России (и др. респ.) её сколько угодно. И вот это уже неправда. Но не только по-

тому, что в России сейчас очень специфический политический режим, с президентом и другими высшими чиновниками, происходящими из спецслужб. А потому ещё, что капитализм вообще предоставляет свободу слова и свободу печати в очень относительном виде, даже в случаях, близких к идеальным.

Предоставлять свободу слова не только себе, но и другим, даже неприятным тебе людям - вот козырный лозунг либерализма ("Мне отвратительно ваше мнение, но за вашу свободу высказывать его я готов отдать свою жизнь", - писал классик). При этом, экономический строй, можно сказать, экономический брат-близнец философии либерализма, - капитализм, - породил систему, при которой, по меткому выражению американского народа, "свобода печати принадлежит тому, кто владеет печатью". Ещё в большей степени это относится, конечно, к словам, передающимся с помощью радио- и теле-эфира.

В общем, как бы красивы и светлы ни были принципы, на практике выходит, что люди, чьи взгляды неприятны, либо опасны для капиталистов, хозяев СМИ и издательств, редко получают доступ к печати и эфиру, либо не получают его вовсе. Формально при этом всё выглядит гладко: буквально же рот никому не зажимают. Говори, сколько хочешь. Только тебя никто не услышит. Но это в самых "передовых" капиталистических странах. А в менее передовых (таких большинство), бывает, и зажимают.

В России каждый год убивают нескольких журналистов - что-то о ком-то рассказали или собирались рассказать не то. Та же участь, бывает, постигает и правозащитников (на которых отдельно сейчас взъелся президент России - см. его майское, 2004 года, послание Федеральному собранию), правдорубцев-любителей и правдолюбцев-профессионалов. Речь вроде бы вольно, быстро течёт. "И кровь - точно также", - стараются убедить нас "хозяева жизни".

Анархист Саша Голубенко, душа-человек, улыбка от уха до уха, был сожжён заживо на окраине Волгодонска в начале 90-х - за то, что знал многое, за то, что умел и мог говорить: издавал свою газету "Человек и труд", был знаком со столичными журналистами. Голубенко разводил собак, жил рядом с ними в балке-вагончике. Собаки не помогли, когда пришёл срок - может быть, силы были слишком неравны. Сашу заперли в вагончике снаружи - и подожгли.

Александр Голубенко был другом Петра Петровича Сиуды, свидетеля и участника легендарной новочеркасской забастовки 1962 года. Тогда, 1 июня 1962-го, было объявлено о резком, в два-три раза, подорожании мясных и колбасных изделий. На Новочеркасском электровозостроительном заводе (НЭВЗ - есть такая даже станция на железной дороге, лет шесть назад я проезжал мимо неё на электричке и непрошенные слёзы сами рванули у меня из глаз, лишь только я увидел эти четыре буквы, составленные вместе) этот акт любви советской власти к народу совпал со срезанием сдельных расценок для рабочих. Утром 1 июня одной барственной фразы, сказанной кем-то из сов. управляющих ("Не хватает денег на пирожки с мясом? Ешьте пирожки с ливером!") было достаточно для начала стихийной забастовки. НЭВЗ встал. Стихийный митинг, стихийные лозунги, быстро написанные на картоне заводским художником: "Мясо, масло, повышение зарплаты!", "Хрущёва - на мясо!" Уже в те, первые часы событий, рабочие НЭВЗа очень хорошо понимали, как важна для них огласка, как важно дать знать людям о начавшейся забастовке. Но как сделать это в безгласной советской стране, где все СМИ монополизированы властями, где никакие фотографы из свободной прессы не примчались на забастовку, за неимением такой прессы и таких фотографов, а только фотографы из КГБ вертелись в толпе и снимали самых активных - потом их по этим фото и арестовывали, и расстреливали... Забастовщики перекрыли железнодорожную магистраль на Москву - чтобы хотя бы через пассажиров поездов информация начала распространяться по стране. Но власти

оказались хитрее, остановив поезда на дальних подступах - хрен с ним, с расписанием и порядком на железной дороге! Очень боялись, что информация разойдётся. Очень переживали, что их хвалёная тотальная, тоталитарная стабильность даст трещину и осыпется в момент - уже по всей стране, а не только в Новочеркасске.

Потом была многочасовая демонстрация с портретом Ленина и красными флагами (НЭВЗ находится не в самом городе, надо добираться сколько-то километров), непонятная стрельба со стороны милиции, ответный штурм тюрьмы рабочими. На переговоры с бастующими срочно прилетают из Москвы члены хрущёвского Президиума ЦК (высший орган власти в стране). Микоян (тот, что от Ильича до Ильича без инсульта и паралича) выступал по местному радио, увещевал, грозил. Переговоры не удались - и тогда власть предъявила самый веский аргумент, который она предъявляет везде и всюду до сих пор (Чечня, Ирак, Страна Басков, далее везде, вплоть до московского метро) - силу оружия. Когда замолчал Президиум ЦК, заговорили пулемёты. Десятки, возможно, сотни расстрелянных (точное число их так никогда и не было названо, захоронения засекречены либо уничтожены), среди них, конечно, и дети; раненые, загадочно исчезнувшие из больниц (их забрали люди в военной форме, а вот что было дальше...); семеро казнённых по суду (в состав новочеркасской семёрки властями были включены уголовники с "подходящей биографией" - точно также, как ко Христу присовокупили двух воров перед распятием - методы власти и здесь не меняются!), больше сотни получивших длинные лагерные сроки.

Пётр Петрович Сиуда был среди забастовщиков 1 июня 1962 года. Был горяч - и одним из первых был арестован. Но лагеря и последующая гэбистская травля (включавшая не только неприём на хорошую работу после освобождения, но и ночные нападения в тёмных переулках, с ударами тяжёлыми предметами по голове) не сломили этого человека - он искал правды, он пытался узнать о судьбе пропавших без вести раненых, о тех, кто отдавал и выполнял страшные приказы. С приходом перестройки воспоминания Петра Петровича о новочеркасских событиях получили неслабое хождение в самиздате (одним из первых, кто опубликовал текст Сиуды, был и московский анархистсткий журнал "Община"), а потом правда о Новочеркасске стала проникать и в большие СМИ. Но не вся правда. Люди, участвовавшие в Новочеркасском расстреле, люди, добивавшие раненых, в конце 80-х, вполне возможно, ещё занимали высокое положение (КГБ, МВД, ЦК партии, Прокуратура... где ещё? кто ответтит?). В мае 1990 года Сиуда позвонил знакомому журналисту в Ростов и сказал, что, похоже, открыл тайну исчезновения раненых, что материалы у него с собой, в портфеле, - и назначил встречу. Но до места встречи Пётр Петрович так и не доехал - его нашли с проломленным черепом, в портфеле не было "ничего такого". Он умер той же ночью, не приходя в сознание. Александр Голубенко был его другом и помощником. После смерти Сиуды он унаследовал груз правды о новочеркасских расстрелах. Но ненадолго.

Единственные проблески оптимизма в этих двух историях жизни и смерти - в том, что и Пётр Петрович, и Александр не полагались во всём на журналистов СМИ, они сами стали писателями и издателями своей правды - пускай только на пишущей машинке под копирку (как Пётр Петрович), пускай лишь на ротапринте (как Александр и его "Человек и труд") - но только благодаря таким, со стороны кажущимся наивными, попыткам создания своих собственных медиа (или, говоря советским языком, самиздата), правда о Новочеркасске стала, худо-бедно, достоянием русской истории и русской ментальности. Не будь тех листочков папиросной бумаги, которые мы, молодые редактора "Общины", читали с замиранием сердца в 1988-м, когда только познакомились с Сиудой, не было бы потом и статей в центральных газетах, и фильмов, и юбилейных передач по ТВ.

Вообще, роль своих медиа трудно переоценить. Что бы делали Ельцин с налипшими к нему по краям политическими вертихвостами, если бы уже на ранних стадиях своего восхождения к власти они не опирались на мощную народную волну самиздата (сотни машинописных и ксерокопированных изданий во всех крупных городах СССР) и на уже тогда воспринимавшийся как импорт "прибалтиздат", - доступа-то к большим СМИ у них ещё не было. Самиздат подарил Ельцину народную любовь, которой он потом так расчётливо и так подло распорядился. Самиздатские же газеты были первыми медиа, откуда прозвучала впервые и фундаментальная критика Ельцина и его либерально-буржуазного курса, - ещё не было никакой РФ, а была РСФСР, ещё не был Ельцин президентом этой самой РСФСР - а все нужные слова о нём уже были сказаны - и анархистами, и многими другими. Почему же это не помогло тогда, не стало противоядием? Доза лекарства была слишком мала. Но для нас важно, что лекарство было с самого начала - протяни только руку.

Есть и более удачные примеры массвового применения "простым народом" (нами, нами самими) своих медиа. Панк-взрыв 1977 года был не просто музыкальным событием. Он принёс с собой переворот в молодёжных медиа, во всей молодёжной культуре. Принесённые панком идеи простоты и самостоятельности (особенно это касается второй волны, лицом которой была английская группа "Crass" с её лозунгами D.I.Y. (Do It Yourself - Сделай сам) и практикой D.I.Y. - десятками и сотнями тысяч пластинок, выпущенных самостоятельно и проданных по ценам, близким к себестоимости, пластинок, которые содержали вкладки с картинками и текстами, пояснявшими позицию группы по самым разным вопросам, - а не только тексты песен, как было принято до этого), эти идеи не пропали даром. Совпавшее с панк-взрывом по времени начало эпохи дешёвого ксерокопирования сыграло на руку новой гигантской волне "своих медиа" - D.I.Y.-панк-зинов (zine - сокращённое от magazine - журнал). Каждый мог сходить на концерт, написать маленький репортаж, добавить к нему несколько рецензий на пластинки, описать свои впечатления от последней встречи с полицией, а также от просмотра телепердач, где "железная кукла" премьер-министр объясняла, почему надо повышать цены, а людей увольнять с работы. Плевать, что у тебя был небольшой тираж - ты высказывал своё мнение и давал ознакомиться с ним друзьям в школе, во дворе, продавал копии своего зина на концертах или выменивал их на пластинки и кассеты, на нашивки, на майки, да на что хочешь. Зинмэйкерством занимались сотни тысяч панков по всему свету. Некоторые из них живы до сих пор, некоторые умерли, как Тим Йоханнон, основатель "Maximumrocknroll", но дело их живёт. Оно живёт и в Америке, и в Европе, и в Азии - я видел канадские зины, малайзийские, польские, немецкие... Зины делают в Москве и во Владивостоке, в Иркутске и в Краснодаре, в Великом и в Нижнем Новгороде, в узбекских посёлках городского типа и в белорусских деревнях. Зины повсеместны, как повсеместен панк-рок, как повсеместна свободная мысль человеческая, отливающаяся в слово и требующая не только устного, но и письменного, и печатного выражения.

Как повсеместен интернет, куда сейчас во многом ушёл сам-издатский, само-медиальный импульс. Успех Индимедии в полной мере проявился в Сиэттле пять лет назад. Тогда десятки тысяч людей съехались со всей Америки и со всего света, чтобы воспрепятствовавть проведению саммита Всемирной торговой организации. Город был многажды блокирован и переблокирован полицией, поделён на зоны и подзоны, но протестующие тоже были не дураки и рассредоточились множеством самостоятельных автономных групп, не ожидающих приказов сверху, в результате полиция не справлялась с ними, в город ввели национальную гвардию, и каратели заволокли газом весь Сиэттл, всюду горели баррикады и летали резиновые пули. В таких условиях добраться до мест про-

ведения саммита участвующим в нём тысячам сотрудников международных торговых и финансовых институтов стало физически невозможно. Координировал усилия протестующих первый (ныне их больше сотни по всему миру) сайт Индимедии (http://www.indymedia.org), лента новостей которого составлялась тогда самими читателями. И этот успех был бы невозможен без знаний, умений и отсутствия компьютеробоязни у молодого поколения протестующих, многократно, до Сиэттла, использовавших интернет по его прямому назначению - для свободной публикации своего мнения. А волю целого поколения нельзя игнорировать. Она всё равно реализуется, даже если ей мешать.
А что у нас? Какие у нас есть "неразрешимые" вопросы эпохи? Как сейчас остановить войну в Чечне? Как сбить волну терроризма (кстати, Чечня ли является источником такого терроризма или несколько солидных и массивных зданий в центре Москвы - вопрос открытый)? Есть разные варианты ответов. Но не ищите их на ТВ и в больших печатных СМИ - там пропагандируется только один вариант, - "контртеррористическая операция", безуспешно проводимая Кремлём вот уже пять лет, если считать с начала второй чеченский войны, или десять - если считать с первой. Альтернативы обсуждаются только в интернете. Там же есть и информация о том, что на самом деле происходит в Чечне, о том, что зачистки, убийства и похищения мирных жителей "федералами" не прекращаются. О том, что в убийствах, похищениях, пытках и снова убийствах задействованы "обычные командированные", сотрудники "силовых ведомств" из разных регионов страны, - и о том, что именно этот опыт "решения проблем" несут они из Чечни домой, в Россию, в разные её города и деревни (я писал это в поезде, возвращаясь из Сибири, и не знал ещё, что возможно, в эту самую минуту милиционер в московском метро стрелял в голову человеку за попытку пройти без билета). И против кого может быть мобилизован этот потенциал, уже сейчас понятно - против тех, кто будет возбухать - против оппозиционных политиков, журналистов, забастовщиков, профсоюзников, экологов, слишком активных бабушек и дедушек, лишённых по новому закону льгот и возмущённых этим, а также против слишком ярко или необычно одетых молодых людей и девушек, против слишком смуглых гостей столицы и других городов Российской Федерации, да, наконец, как выясняется, против безбилетников в общественном транспорте.

Обо всём этом после расправы над последними независимыми от государства телеканалами и ежедневными газетами, желающими эту независимость проявлять (а если не желающими, так значит - зависимыми; не обязательно же это должно выражаться в пакетах акций - в репрессивно-гэбэшном государстве это может выражаться и просто в страхе, обычно в нём и выражается) - только в интернете.

Но и до интернета уже добираются. Уже запретили электронные библиотеки, уже говорят о необходимости получать лицензии на открытие сайтов - как на открытие СМИ... Ничего-ничего, не ссать! Самиздат в СССР тоже был запрещён, за несколько страниц машинописи с "не тем" содержанием сажали в тюрьму. И всё равно находились тысячи, десятки тысяч людей, нелегально, подпольно, тайно в этот самый самиздат писавших и его печатавших. Теперь пришло время и интернет-поколению показать, что у него не дрожат поджилки, что и оно не лыком шито.

Они будут представлять нас незаконными предпринимателями, неплательщиками налогов, хулиганами, аморальными типами, ворами чужих авторских прав, и т.д., и т.п. Но это всё фигня. Главное - и мы должны это помнить, - мы - носители свободы слова, а они - её душители.

[август 2004]

ПЯТАЯ
ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ

Да-да, это из детской литературы. А ещё, в позднесоветские времена его называли "День самоуправления" - это когда школьная администрация и учителя давали старшеклассникам порулить школой - но не в смысле отмены уроков и массовой раскурки под лестницей, а в смысле возложения на подростков заботы о малышне, там ли она завязывает шнурки, где отведены места, и сменяет ли она вообще сменную обувь. В Бразилии, где есть радикальное Движение безземельных крестьян, кофе, телесериалы и много-много смрадных обезьян, существуют карнавалы, в ходе которых позволено даже частичное public nudity - прикрыла титьки условными довольно-таки пимпками - и можешь залезать на платформу, вилять задом. В Древней Руси был праздник Ивана Купала, в ходе которого... как бы это лучше сказать... в ходе которого юноши и девушки вполне легально пробовали друг друга (да и вообще, брать в супруги целку считалось у древних славян делом неподобающим - это что, значит, на девку/парня никто до сих пор и глаза не положил?). Сейчас же на Москве устраивают корпоративные вечеринки и прочие встречи без галстуков (есть такое словечко "барбекю", оно как раз из этого успокоительного арсенала), временно как бы сглаживающие социальные противоречия внутри корпорации (фирмы, конторы, министерства... хоть горшком назови), а в Японии вообще ставят перед проходной куклу - копию топ-менеджера компании и все входящие могут пиздить её как хотят. Словом, в каждом обществе рулевые стараются придумать специальный каналец, а лучше и не один, чтобы отводить по нему и превращать в свисток весь пар социального недовольства и напряжения, всю силу классовой ненависти и жажду мщения, всё негодование и буйство, неизбежно накапливающееся в нас, трудовых рабах Системы.

Но иногда все эти каналы и клапаны не срабатывают, социальная температура возрастает стремительно - какой-нибудь очередной николай второй добирается до власти и наламывает дров, или переполняется чаша терпения наиболее угнетённого социального слоя, или разом вырастает сверх-поколение, отпрыски очередного послевоенного бэби-бума, - и тогда карусель истории на время слетает с оси - николая кровавого ставят к стенке, наиболее угнетённый социальный слой сбрасывает оковы, а моё поколение (которое молчало по углам) вдруг приходит к власти, а лучше - сокрушает её вовсе, ради свободы, счастия и справедливости. Иными словами, происходит восстание.

"Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и стремление к счастью..." - эти великие слова записаны в американской конституции, которая и сама-то возникла благодаря восстанию народа, а не благодаря интригам придворных крючкотворов, как в России. А ещё там сказано, что если правительство будет замышлять против народа или, паче чаяния, начнёт проводить антинародную политику (ну, как это обычно бывает, - войну там какую бессмысленную затеет в горах, грабительскую реформу ЖКХ или отмену льгот и пособий), то народ вполне себе имеет ПРАВО НА ВОССТАНИЕ.

Только не надо меня подозревать в американофилии. Ею, как, впрочем, и американофобией, я не страдаю. Зато очень люблю восстания - за то, что освобождают массу творческой, созидательной энергии - и человечества, и каждого участвующего в восстании человека.

"Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть", - сказал ещё в XIX веке бородатый классик анархизма. И мысль эта, чёрт побери, вполне философская и глубокая (я много лет пробовал её и с той, и с другой стороны, проверял своим и чужим жизненным опытом, обламывался и снова воспрянывал духом - пока не допёр. Спасибо, Михаил Александрович, сильно выражено!).

Жизнь кругом нас - она показывает, что если кто покорно принимает все угнетения

и притеснения, молчит, как велели, и не вякает, то на нём чуть не буквально начинают в скором времени воду возить, в заложники его брать, газом травить, в обезьянниках мучить и стрелять за безбилетный проезд в метро.

А те, кто возбухают, если они делают это с умом или хотя бы упорно, - те в конце концов оказываются на коне.

Вот у нас иногда смотрят на Польшу и думают - ну что такое, пшекалка пшекалкой, пшепрашам бардзо, те же леса, равнины, берёзки и болотца, та же водка, те же падежи в языке и тот же, в главном своём объёме, мат (увидите в Польше надпись HVDP, знайте, - расшифровывается она: "Хуй в дупу полиции"), а вот, поди ж ты, живут всё же получше нашего - и культурнее, и богаче на душу населения - и вона, Европа с ними считается...

Это всё от того, что поляки много веков подряд восставали против власти практически в каждом поколении и даже евреи сложились в Польше особые - буйные донельзя, иногда превосходившие в своей смелости и непокорности самих поляков (начиная с анархистов-безмотивников, бросавших бомбы в кафе в Белостоке на рубеже XIX-XX веков, через "Бунд" (Всеобщий еврейский рабочий союз) эпохи трёх русских революций - к отчаянному, трагическому и прекрасному восстанию евреев Варшавского гетто в 1943 году - вся Польша, вся Германия и весь мир, онемев от изумления, следили за тем, как измождённые голодом чуваки и чувихи из социалистических (и немножко из либеральных) еврейских молодёжных организаций несколько месяцев держали оборону в городских руинах против гитлеровских танков, авиации, огнемётов...).

Всё же не удержусь от перечисления основных вех - поляки это заслужили. Самые важные восстания против русских захватчиков, лишивших Польшу независимости, - 1830-32 и 1863 гг. Это с тех пор в Сибири так много польских фамилий. Будете под Иркутском - помяните польских зэков XIX века, строивших Кругобайкальскую железную дорогу и умиравших на этой стройке - несломленными. (Спасибо анархисту Михаилу Бакунину - спас честь русского народа, снарядил из Европы корабль с оружием для польских повстанцев.)

С 80-х годов XIX века - куча рабочих кружков, забастовочных комитетов и социалистических партий встают на борьбу с русским царём, с русскими и польскими капиталистами.

Во время Второй мировой войны в полностью оккупированной Польше создаются и успешно сражаются с гитлеровцами две подпольные армии - Армия Крайова и Гвардия Людова, коммунистические и буржуазные польские террористы казнят фашистских офицеров и чиновников, а летом 1944 года начинается грандиозное Варшавское восстание (кое-кто видел, возможно, по ТВ фильм "Канал" Анджея Вайды). После установления псевдокоммунистической сталинской диктатуры в Польше несколько лет идёт гражданская война (отголоски её см. в фильме того же Вайды "Пепел и алмаз" - между прочим, это признанный шедевр не только польского, но и мирового кино).

К концу сороковых боевое подполье подавлено, но уже меньше чем через 10 лет снова полыхнуло - в 1956 г. в Познани восставшие рабочие поджигают обком партии, тюрьму и здание госбезопасности - и верховная власть в Польше меняется на чуть менее людоедскую (всеобщая забастовка "Солидарности" 1980 г., изменившая лицо не только Польши, но и всей Восточной Европы, и готовившаяся фактически всё предшествовавшее десятилетие, имела начальной точкой знаменитую фразу диссидента и подпольщика Яцека Куроня: "Не надо жечь комитеты. Надо создавать комитеты". Подпольные повстанческие и забастовочные комитеты - имел он в виду).

Не забудем и бывшие "в промежутке" между 1956-м и 1980-м студенческие волнения 1968 г. и массовые рабочие забастовки 1970 и 1976 гг. (смотрите, опять же, кинодило-

гию Вайды "Человек из мрамора" и "Человек из железа". Скажите, кстати, а отчего нет подобного певца народной свободы в российском кинематографе? Вопрос риторический. Наши нынешние большие кинорежиссёры, будто настоящие упыри, способны воспевать только кровожадную венценосную семью и побитую молью имперскую идею - и потому, скажем, главные фильмы о России 1990-2000-х снимают швед Лукас Мудиссон ("Лиля 4ever") и русский Андрей Некрасов, живущий то в Берлине, то в Лондоне, то в Петербурге ("Любовь и другие кошмары")).

Поляков на белом свете меньше, чем немцев, меньше, чем англичан, меньше, чем французов, и, уж конечно, их куда меньше, чем русских. Но за них можно не волноваться - они надерут жопу любому, кто покусится на их права, будь то иноземные захватчики или собственное правительство - со всеми их сверхточными ударами, пластиковыми щитами и бронированными кулаками (так, варшавская осень 2003 года показала, что полицейскую бронетехнику можно переворачивать вверх дном голыми руками - главное, чтобы за дело взялись много-много разгневанных шахтёров; вообще - это на заметку нашим законопослушным протестовикам - в начале XXI века в Варшаве ежегодно проходит около 700 демонстраций и лишь около 10 процентов из них санкционированы властями. Остальные - нелегальные).

Чтобы не создавать уж такой прям "исторической апатии" у наследников славных традиций русского и советского народа, скажу вкратце, что и дорогие россияне, и граждане СНГшники, и многоуважаемые совки, конечно же, по части восстаний не лыком шиты. Вот поистине героические страницы из одного только XX века: 1905 год, декабрьское вооружённое восстание в Москве, Пресня становится Красной Пресней. 1918-1921 гг. - три года махновщина обороняет немалую часть Украины от немецких оккупантов, от украинских буржуазных националистов, от русских белых и от русских красных. 1921 г. - грандиозные забастовки в Петрограде, восстания в Кронштадте и в Тамбовской губернии (знаменитая антоновщина) - как результат Ленин частично легализует капитализм (песня группы "Аукцыон" "Я - нэпман" немного про другое, но слово взято оттуда: нэп - новая экономическая политика). 1938-1956 гг. - повстанческое движение на Украине против польской, немецко-фашистской и советской оккупации. 1953 г. - героическое восстание заключённых в Воркутинских лагерях. 1959 г., Темиртау - восстают согнанные "на целину" разнорабочие. 1962 г. - забастовки в Новочеркасске, Муроме и других городах. 1988 г. - свержение секретарей обкомов (по-нынешнему - губернаторов) массовыми митингами в нескольких областях СССР. 1991 г. - срыв государственного переворота ГКЧП в результате мирного восстания непокорных совков, в основном, кстати, москвичей и питерцев. 1993 г. - баррикады на центральных улицах Москвы, штурм населением правительственных зданий и телевидения в ответ на разгон президентом Ельциным законно избранного Верховного Совета (парламента).

В общем, брать пример есть, с кого. И есть, чей опыт изучать. И есть, кем гордиться, если и такое потребно.

Но если историческая цифирь не очень внушает и не очень взбадривает, если нет ощущения, что такое есть восстание на уровне "я-ты-он-она", то вот вам на ночь последняя сказка, про молодую девчонку, шуструю и озорную как Лиса Патрикеевна, красивую как ангелица и отважную как тысяча чертей.

Сама она с 1902 года будет, урождённая Маркон, дочка алгебраического профессора СПб-университета. В 15-ть свалила из дома - делать революцию, освобождать политзэков. Вскоре быстро разобралась, "что такое советская власть", и стала её ненавистницей. В пылу, в горячке, в беготне, в заботах - попала под трамвай, лишилась обеих ног. Безногая - очаровала поэта Ярославского, сочеталась с ним и стала Ярославская-Маркон.

С молодым мужем уехала в Европу - шерстить эмиграцию, искать боевых, искать сильных, искать тех, кто сокрушит большевистский режим. Облазили Берлин, облазили Париж, потратили несколько лет - не нашли. Эмиграция всерьёз на большевиков не посягала, она погрязла в своём, бытовом, инфильтрованная примиренчеством, идиотизмом и агентами ОГПУ.

Что делает, осознав это, богемная парочка? Оседает? Ударяется в творчество? Спивается? Заводит детей? Не угадали. Возвращается в СССР - бороться в одиночку! Ярославского сразу арестовывают, Ярославская, пока на свободе, думает думу. Должна же быть сила, способная подточить власть большевиков, должна быть внутренняя сила, здесь, в стране. Пусть наивно, пусть ошибочно, но Ярославская-Маркон находит такую силу... в уголовниках. Бандитская вольница, - кажется ей, - способна победить большевизм, способна вернуть страну народу.

Молодой интеллектуалке (в активном запасе - шесть языков) не терпится погрузиться в бандитский мир. Начинает с воровства. Тырит чемоданы на вокзалах. Тырит неудачно, попадается, получает сроки (ворам, как "социально близким", за чемоданы давали тогда месяц, два, три месяца тюрьмы), за ней тянется шлейф из шести или семи уголовных статей (не статей в газетах, а статей УК - sic!) и вот, году примерно уже в 1928-29-м, неофитке преступного мира наконец-то приваливает счастье: где-то на Волге ей удаётся примкнуть к настоящей банде. Вооружённое ограбление магазина. Провал. Приговор: три года ссылки.

Из Сибири безногая и одержимая Ярославская-Маркон бежит на своих протезах. Узнаёт, что муж на Соловках и решается организовать ему побег. Добирается до Кеми (полстраны отпахать на протезах - скрываясь, подрабатывая гадалкой), ищет помощников-заговорщиков. В ком-то обманывается, проваливается, сама попадает на Соловки и не просто в лагерь, а в жуткий женский штрафной изолятор на Большом Заяцком острове, который только по названию Большой, а так - пятачок пятачком, из растительности - мхи и лишайники. И несколько дерев, там, на другом конце острова.

Тем временем её муж бежит сам, с группой товарищей. Его настигают, приговаривают, расстреливают. Для устрашения временно живых лично начальник лагеря зачитывает приказ перед всеми бараками и ШИЗО, на всех островах архипелага, где есть зэки. Решение приходит мгновенно: нагнуться, поднять камень, кинуть в голову начальнику. Камнем по голове, да ещё на Соловках, да ещё в одна тысяча девятьсот тридцатом году - это вам не песня группы "Король и шут". Это новое уголовное дело по обвинению в терроризме - с неизбежным расстрельным приговором.

Расстреливали Ярославскую-Маркон вместе с "христосиками" (больше сотни героев-сектантов, не признавших в большевиках никого, кроме посланцев сатаны, и потому не подписывавших ни одного документа, не бравших паспортов, не отвечавших на вопросы (и допросы) властей - вот какие ещё повстанцы бывали в нашей стране! Одной ли они крови с нами, смирными и невозмутимыми, в чьих жилах, кажется, не кровь свободолюбивых русского, украинского, татарского и других народов, но - железнодорожная вода из мглистой песни Бориса Гребенщикова?). Расстреливать пришёл лично начальник лагеря. И пока он доставал свой "маузер" или что у него там было, дочь алгебраического профессора, урождённая Маркон, по мужу Ярославская, 28-ми лет, еврейка, революционерка, гражданка СССР, сняла свой протез и по морде ему - хуяк, хуяк!

Да не оскорбится светлая память её - материться жена поэта научилась отменно в последние два года жизни и это новое филологическое знание своё обильно использовала в подпольной рукописной газете "Уркаганская правда", которую издавала одна в женском штрафном изоляторе для беременных (и потому - по логике тюремщиков - про-

штрафившихся) бандиток, воровок, проституток, всё надеясь, всё пытаясь поднять их на последний и решительный бой.

Восстание может носить разные формы. Оно может быть вооружённым. Оно может быть мирным. Оно может быть коллективным. Оно может быть индивидуальным. Главное - оно должно быть открытым, оно должно сметать все преграды, оно должно творить новую жизнь - счастливую, справедливую и свободную.

Ещё раз: человек имеет право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Праздник непослушания должен стать праздником, который всегда с тобой.

[сентябрь 2004]

ПРИЛОЖЕНИЕ А. УЗНАВАЯ 1968-Й

1968: ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ МИР, ВЕСЕЛЯСЬ

Не будем лукавить - никто из нас толком не понимает 68-й, зато все мы живём в его последствиях. Всё, что нас окружает - общественная, культурная и политическая реальность, нормы сексуального поведения, массовые стереотипы, религиозные и квазирелигиозные верования, представления об успехе в жизни, да что ни возьми, даже такая, казалось бы, посторонняя штука, как реклама - всё это подверглось тотальной атаке в конце 60-х, тотальному слому и тотальному отстраиванию заново.

В 1968-м году на планете случился общественный катаклизм, с точным определением которого историки до сих пор "не спешат". Может быть, 35 лет назад произошла мировая социальная революция. Может быть - революция культурная. Может быть, то была "всего лишь" революционная ситуация - но ситуация, основательно потрясшая основы миропорядка. Для краткости будем говорить просто - "68-й".

Накануне 68-го мир выглядел совсем по-другому, нежели мы привыкли теперь. Образование даже в развитых западных странах оставалось классовой привилегией: доступ в стены университетов для детей малообеспеченных родителей _был почти закрыт. Учебные программы были архаичны и далеки от жизни. В университетах - и в большом мире тоже! - царила ханжеская мораль, само понятие сексуальности находилось вне сферы обсуждения, было табуированным, запретным. Церковь оставалась главным моральным авторитетом, во всяком случае, на уровне семьи и семейного воспитания. У власти во многих странах находились открыто реакционные диктатуры (как в Испании, Португалии и Греции), либо реакционеры - вплоть до бывших фашистов, - составляли существенную и часто лидирующую прослойку чиновничества и политиков в странах, формально демократических (как в Германии). Сам дух, царивший в обществе, был тяжёлым, тлетворным и каким-то безнадёжным... Ну, вы знаете, - примерно как в России после "Норд-Оста". Только европейская и североамериканская молодёжь не могла уже больше терпеть. Ей хотелось дышать - и она взорвала тесный мирок, приготовленный для неё родителями и пригодный только для того, чтобы гнить заживо.

ЧЕМ МОЖЕТ ЗАКОНЧИТЬСЯ СЛИШКОМ ГЛУБОКИЙ СОН

События 68-го наибольший размах и наибольшее символическое значение приобрели в Париже (хотя митинги, демонстрации, забастовки, захваты университетов и заводов происходили не только по всей Европе, но и по всему миру).

Гром раздался, практически, посреди ясного неба. За несколько недель до начала событий в печати появился социологический анализ под названием: "Франция спит". В этой вроде бы сонной обстановке группа леваков нападает на парижское представительство компании "Американ Экспресс" - в знак протеста против войны, которую вели США во

Вьетнаме. Шестеро нападавших арестованы. Через два дня, 22 марта 1968 года, в Нантере, пригороде Парижа, студенты захватывают здание университетской администрации, формально для того, чтобы потребовать освобождения арестованных. Но дело этим не ограничивается: во время бурного митинга выдвигаются всё новые и новые требования. Обстановка наэлектризована по разным причинам. Скажем, ровно накануне, 21 марта, студенты в Нантере отказались сдавать экзамен по психологии - в знак протеста против чудовищной примитивности читавшегося им курса. Для координации действий здесь же, немедленно, создаётся анархистское "Движение 22 марта", сыгравшее немалую роль в дальнейшем наращивании протестов.

Собственно, события в Нантере оказались спусковым крючком, только власти ещё не знали этого и потому ответили привычно: жестокими репрессиями. По мере того, как "Движение 22 марта" вопреки нажиму властей ширилось (был выдвинут лозунг "От критики университета - к критике общества!"), правительство всё чаще пускало в дело полицию. События развивались как снежный ком - осуждение группы зачинщиков - закрытие университета - новые стычки студентов с полицией - новые аресты - новые демонстрации - новые стычки - новые аресты - новые демонстрации...

УЛИЧНЫЕ БОИ В ПАРИЖЕ

К 10 мая 1968-го число раненых во время столкновений на улицах Парижа перевалило за тысячу, число арестованных - тоже. Обуздать полицию требовали уже не только студенты, но и большинство преподавателей, виднейшие деятели культуры и лауреаты Нобелевской премии, крупнейшие профсоюзы и левые партии. Но президент Франции генерал де Голль стоял как скала, заявив, что не уступит молодёжи. 10 мая 20-титысячная демонстрация студентов была заперта с двух сторон французскими омоновцами на бульваре Сен-Мишель. На беду властей, бульвар был мощён булыжником и к ночи студенты соорудили около 60 баррикад - в дело пошла не только брусчатка, но и припаркованные по соседству автомобили, вообще всё, что могло препятствовать продвижению спецчастей полиции. Сражения на баррикадах продолжались до шести утра.

С 13 мая начались захваты университетов студентами в крупнейших городах страны, с 14 мая - захваты заводов рабочими, без всякой на то санкции профсоюзов и традиционных левых партий, более того - к их паническому ужасу. 15-го студентами был захвачен театр "Одеон", превращённый в дискуссионный клуб. Стены Латинского квартала покрылись многочисленными плакатами и граффити. Наиболее известные лозунги парижского Красного Мая: "Запрещено запрещать!", "Будьте реалистами - требуйте невозможного!" и "Воображение - к власти!". Но, кроме того: "Под мостовыми - пляжи", "Граница - это репрессия", "Нельзя влюбиться в прирост промышленного производства", "Всё хорошо: дважды два уже не четыре", "Оргазм - здесь и сейчас!" Конечно, это не вписывалось в привычные концепции традиционных левых, угнездившихся на своих позициях за два с половиной послевоенных десятилетия. Зато очень попахивало мышлением в духе Ситуационистского интернационала, выступившего одним из главных интеллектуальных провокаторов революционных событий.

О РОЛИ БУНТУЮЩЕГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИГРАЮЩЕГО САМОСОЗНАНИЯ

Маленькая группировка на стыке политики и искусства (вспомним, во избежание вредной мешанины, слова Вальтера Беньямина о том, что на эстетизацию политики фашистами левые отвечают политизацией искусства. Вспомним и не забудем - это важно), возникшая в конце пятидесятых на обломках дадаизма, сюрреализма и радикальной политической левизны середины XX века, была мало кому известна до тех пор, пока по

чугунной голове мирового капитала не жахнул индейским томагавком 68-й. Их было всего несколько человек (по другой версии, всё-таки - несколько десятков человек), и, помимо занятий искусством, они, что важнее, издавали ежегодник "Ситуационистский Интернационал", в котором в полной мере проявился теоретический дар Ги Дебора и Рауля Ванейгема, авторов двух важнейших для понимания современного революционного процесса книг, соответственно - "Общества зрелища" (также переводят как "Общество спектакля") и "Революции повседневной жизни".

Если сказать кратко (свести тонны житейской мудрости, переведённой ситуационистами на килограммы печатного текста, к миллиграммам экстракта, "заварки", которая всегда с собой, под крышкой чайника, именуемого "череп"), то они полагали, что современный капитализм научился превращать любые факты жизни, будь то искренняя эмоция любви или яростный порыв протеста - в зрелище, а зрелище - в товар, который, будучи расфасован в выпуски теленовостей, подборки рекламных роликов, в навязываемые через СМИ привычки и настроения, теряет какие-либо черты своей первичной, "предпродажной" подлинности, а заодно все признаки опасности для господствующего экономического, идеологического и политического порядка. Поэтому, считали ситуационисты, для настоящего революционера мало толку в создании больших политических партий, пусть самых радикальных, или в долгом и трудном формировании профсоюзов, пусть и самых борющихся - все эти институции уже не могут быть инструментами бунта, инструментами революции.

Инструментом бунта может быть лишь каждая, отдельно взятая, человеческая личность, а также добровольные союзы этих личностей, формирующиеся для единственной подлинно весёлой и подлинно освобождающей человеческой игры - революции повседневной жизни. Одним словом, никакая партия не поможет тебе, никакой комсомол, никакой профсоюз, никакая, fucking shit, террористическая организация. Только сам. Только своей головой. Только собственным усилием. Только в своей собственной жизни.

Теперь перечитаем: "Нельзя влюбиться в прирост промышленного производства", "Оргазм - здесь и сейчас!" Звучит немножко по-другому, не так ли? Впрочем, довольно здесь теории (страждущие - не пропустите готовящуюся "Антологию Ситуационистского интернационала" или разыщите уже сейчас - в сети, в книжном магазине - книжку Кена Нэбба "Радость революции"; вышедший же несколько лет назад перевод "Общества спектакля" настолько плох, что лучше читать Дебора на иноязыках).

1968-Й: ВОССТАНИЕ СМЫСЛА

Вернёмся в Париж, во Францию. Во Франции бушевал общенациональный кризис. Вспыхнувший из ничего? Из какой-то одной акции леваков? Из одного смелого поступка студентов, захвативших деканат? Из глупости министра просвещения? Из упрямого маразма господина президента? Да, из всего этого, но также из того, что старый мир перестал выдерживать новые смыслы, новые порывы жизни, её горячее дыхание, её горячечный блеск в глазах.

Вот что вспоминает кинорежиссёр Элен Шателен, недавно снявшая фильм о "нашем" сталинском ГУЛаге, а тогда, в 68-м, бывшая парижской студенткой: "...Взрыв, который тогда произошёл, был взрывом внутри смысла. Главный вопрос был не "как организовать движение?", а "почему?" и "что значит?" Это был глубокий семантический взрыв. Политический язык был абсолютно не адаптирован к возникшей ситуации. Он оказался вне рамок того, о чём люди, спонтанно вышедшие на улицу, хотели сказать. (...) Только потом, когда профсоюзы увидели, что все заводы во Франции остановились (что показалось им невозможным и невероятным!), они стали формулировать требования. Ведь нельзя же

на вопрос: "Чего вы хотите?" - ответить: "Мы хотим жить", "Мы не знаем, чего мы хотим". Тогда-то профсоюзы и подсуетились: "Мы хотим больше зарплаты", - и потом всё это ушло в "нормальную профсоюзную деятельность"".

"Куда вы пойдёте? Куда будет двигаться демонстрация?" - спрашивали на пике движения запуганные охранители у студенческого вожака Даниэля Кон-Бендита. "Маршрут демонстрации будет зависеть от направления ветра!" - не без позы ответил им молодой наглец с огненно-рыжими волосами. И был при этом абсолютно, стопроцентно, математически точен. Ибо только так в мае 68-го можно было озвучить "фразу, которую писала улица".

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ТОЖЕ БУРЛИЛА

68-й не был бы тем, чем он был, если бы события, какими бы грандиозными, прекрасными и вдохновляющими они ни были, происходили только во Франции. 68-й (мы договорились вначале, что это объёмный, комплексный термин, а не просто составное имя числительное) широко распространился и по ту, и по эту сторону "железного занавеса".

Хочется рассказать про всех, но это долго, так что назову только страны и, может быть, некоторые вехи.

В Чехословакии - Пражская весна. Общество, давно готовое взорваться, реагирует на малейшие перемены в курсе партийного руководства и, не дожидаясь команды сверху, начинает освобождать себя самостоятельно. От слов переходили к делу, правда, уже параллельно начавшейся советской оккупации. В Чехословакии тоже были захваты заводов, тоже были толпы людей против танков на улицах, какое-то время действовало даже второе, подпольное руководство ЧССР, прошёл даже (вдумайтесь - в официально социалистической стране!) нелегальный съезд (!) правящей (!!) коммунистической партии (!!!) - под охраной рабочих, на одном из захваченных заводов.

Потом, как и в Западной Европе, был откат. Впрочем, в 68-м времена не были ещё столь свинцовыми ("Свинцовые времена" Маргарете фон Тротта надо посмотреть обязательно, хотя они и про другой этап революционного движения в Европе; про 68-й же, вернее, про то, почему произошёл 68-й, смотрите великолепные фильмы Жана Люка Годара, прежде всего - "Weekend" и "Китаянку") - и потому молодёжь бунтовала, в том числе и на Востоке.

Польша. Март 68-го. Студенческие выступления в Варшаве и Кракове, столкновения с милицией, около 1200 студентов арестовано.

В Югославии - массовые студенческие демонстрации в июне 68-го. Лидер страны маршал Тито вынужден перейти к широким общественно-политическим реформам (кстати, ещё один важный для понимания эпохи фильм был снят именно в Югославии в 1968-71 гг. Это "В.Р. Тайны организма" Душана Макавеева, подробно, насколько это вообще возможно в игровом кино, излагающий и иллюстрирующий теорию сексуальной революции этого самого В.Р., то есть Вильгельма Райха. Райх погиб в американской тюрьме в конце пятидесятых, но дело его вдохновило бунтарей 68-го).

В ТЕЛЕГРАФНОМ СТИЛЕ: ALL OVER THE WORLD

Германия. Бурные студенческие бунты, оккупация университетов, появление новых, вне закостенелой левой традиции, революционных объединений (запомним для поиска в интернете: "Коммуна-1", "Социалистический коллектив пациентов").

Италия. Бастуют 95 процентов населения страны!

Вьетнам. Знаменитое партизанское Тет-наступление (то самое, в честь которого назвали ребёнка в недавнем фильме "Вместе" шведа Лукаса Мудиссона - тоже смотреть, сме-

яться и плакать, - про то, кем стало поколение 68-го лет через семь после революции).

США. Бушующее море событий, всего даже не перечислить. Дам лишь масштаб: бунты более чем в 170-ти городах, 27 тысяч человек арестованы - это несколько "дивизий" повстанцев!

А ещё: Мексика, Нигерия, Перу, Португалия, Израиль, Япония, Испания, Китай...

НУ И?

Опять проиграли? Это как посмотреть. Если считать "выигрышем" революцию 1848 года (забыв про 1852-й) или - революцию 1917-го (забыв про 1921-й) - тогда, может, и так. А если отключить штампы и включить воображение, которое одно только и достойно власти, тогда...

68-й не победил и не проиграл. Он сформировал тот мир, в котором мы сейчас живём. Впрочем, некоторые считают, что эпоха та окончилась 11 сентября 2001 года. Окончилась? Посмотрим.

Влад Тупикин
[апрель 2003]

68-Й БЫЛ ГОДОМ ПОИСКА. НИКАКИХ ОТВЕТОВ ЕЩЁ НЕ БЫЛО
Интервью с Ульфом Хеферле, которому было 14 лет в 1968 году

С Ульфом Хеферле мы познакомились несколько лет назад в клубе "Дом". Знакомство стало теснее, когда мы стали обнаруживать себя на одних и тех же концертах всё чаще. Оказавшись у него дома, мы нашли там большую коллекцию пластинок 60-70-х и старую электрогитару "Fender Stratocaster", которая до сих пор ещё "на ходу" - и в смысле сохранности, и в смысле того, что Ульф на ней регулярно играет, назло соседям. Когда же наш взгляд упал на одинаковые красные корешки под потолком, Ульф немного смутился: "А, это моя молодость, ранние 70-е..." Выяснилось, что он - "революционер со стажем", мы проявили интерес и ещё несколько часов просидели над подшивками молодёжной газеты гамбургского Коммунистического союза. Когда же пришло время подумать об очередном юбилее мировой революции 1968 года, первой революции, не приведшей к власти новый класс, но полностью изменившей облик доброй половины планеты, кандидатура Ульфа Хеферле в качестве собеседника всплыла сама собой. Во всяком случае, это единственный москвич, про которого мы доподлинно знаем, что он был участником событий 68-го на Западе.

Ульф начинает:

Это, в принципе, история, поэтому можно всё это откровенно рассказать.

Ну да, вопрос, как делать революцию, мы, наверное, сейчас всё равно не разрешим... На самом деле, юбилей-то не круглый, 35 лет. Вот когда было 30-летие, во многих русских молодёжных журналах были публикации. Но наверное, каждые пять лет полезно напоминать, потому что за это время вырастает целое поколение.

Ну, знаете, мне было 14 лет в 1968 году и я не был участником какого-то руководящего органа, я был всего лишь симпатизирующим движению человеком и у меня самые яркие воспоминания - личные, а не строго политические...

Ну, это не страшно, - сказали мы. И дальше из Ульфа полился монолог, в который мы иногда лишь вставляли свои уточняющие междометия, для краткости здесь опущенные.

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ В ТРУСАХ

В 68-м я учился в гимназии и моим любимым преподавателем был учитель немецкого языка. Этот человек, ему тогда, наверное, было уже лет сорок, он до 1-го мая 1968 года всегда рассказывал нам длинные истории про то, как он ездил с женой в Грецию и смотрел на античные руины - он очень ярко всё это описывал, он вообще был хорошим рассказчиком. Он рассказывал, а мы все с интересом слушали. Про его "Опель" и про жену, про домик на колёсах, про Грецию... Почему-то именно 1 мая 1968 года он случайно оказался в Париже и участвовал там в демонстрациях, видел всё это. И после Парижа его жизнь изменилась на 180 градусов! Немецкий гуманист, влюблённый в древнеримскую и древнегреческую историю, он стал другим человеком, начал выступать за какие-то политические ценности, за антифашизм, против чрезвычайных законов, которые у нас в это время принимались... И значительная часть нашего класса, человек 15-20 из 30-ти, все вместе с ним перешли тогда эту границу - от буржуазного гуманизма к антифашистским настроениям, вместе мы прошли этот путь... А ведь нам было по 14 лет! Мой отец был вообще в шоке от этого, он сильно ревновал меня к этому учителю, он чувствовал, что теряет влияние на сына и потому вскоре отправил меня на три года в интернат. Для меня это была настоящая депортация.

Я ещё помню - это был, может быть, 67-й или 66-й год, - я учился тогда в другой гимназии, в которой главным языком был древнегреческий. У нас был большой музыкальный зал и там на стенах имелась здоровенная такая роспись - голые мужчины занимались спортом в "типично древнегреческих позах". Однажды утром нас всех позвали в этот зал и мы увидели, что на них появились... шорты! Кто-то краской дорисовал, "одел" их. Для того времени это была очень антиавторитарная акция! Они нас собрали, там же был и автор росписи, какой-то знаменитый художник. Там сидели 300 мальчиков и администрация очень надеялась, что кто-то из нас откроет тайну, скажет, кто нарисовал трусы. Но никто не сказал! Было такое внутреннее чувство: "Мы делаем то, что мы хотим!"

Подобных ситуаций было много... Например, мой друг - это уже двумя годами позже, - он был такой панк. Он играл музыку, ну, тогда уже была такая музыка, немного похожая на панк (например, американская группа MC 5). Он ходил в чёрной кожаной одежде, с длинными волосами, весь проклёпанный... И он, мне кажется, хотел мою сестру. У нас был большой дом, но мой отец ему всё время мешал. И вот однажды он моего отца запер в одной из комнат! Отец, который для нас был олицетворением такой мощи, такого страха, оказался заложником в собственном доме!

Да, в это время словно бы появилась какая-то новая, самопровозглашённая власть - на улице, в школах... Такая нелегальная власть, которая всего лишь раскрашивает что-то или делает какие-то маленькие провокации.

Вы просто не представляете, как мы жили до этого времени - там никакого знака вопроса не было, нигде! Человек, у которого были длинные волосы, автоматически строго наказывался. Я помню, моя сестра и её подруги ходили в вельветовых штанах, - мои родители были в ужасе! Мы бы сегодня ничего этого не заметили, внешность - это уже не так важно сейчас, но тогда это воспринималось как крайне неадекватная одежда. Как, наверное, в Советском Союзе, где тоже была такая ситуация, когда длина волос и фасон брюк были запрограммированы сверху. А ты старался показать свою индивидуальность.

Эти два момента - рисунок в школе и учитель, полностью изменившийся 1 мая 1968 года, - вот мои самые яркие воспоминания о той эпохе.

НОВАЯ СИЛА НА УЛИЦАХ

Ну, вот ещё одно очень яркое воспоминание - это был, наверное, 68-й год. В центре Гамбурга была большая демонстрация против вьетнамской войны и там было тоже такое ощущение, что есть какая-то новая власть, что действует какой-то новый порядок... Мы были на центральной площади, перед ратушей, там выступал, кажется, Вилли Брандт, известный социал-демократический политик и тогдашний немецкий канцлер, а мы ему мешали, мы что-то кричали против войны во Вьетнаме. Потом в тот день мы пошли к местному правлению социал-демократической партии, там были трамвайные рельсы, и люди наклонялись, поднимали со шпал камни и кидали их в это самое здание! А ведь наш город к тому времени уже 20 лет был под управлением социал-демократов! Я только смотрел на это, я сам не бросал камней, но для меня это было... Я честно скажу, я никогда не был таким радикальным милитантом, повстанцем, но внутри я чувствовал большую симпатию к этому движению, а главным, наверное, было ощущение этого появляющегося нового порядка, ощущение того, что старый порядок уже ослаб и люди на улице устанавливают свою собственную власть, делают всё по-новому, как хотят.

Потом в тот же день мы пошли к центральному вокзалу, там есть такой гигантский зал, который вмещает несколько тысяч человек, под крышей звук как в церкви... Мы кричали: "Хо-хо-хо-ши-мин!", быстро перемещались по залу и бюргеры вынуждены были освободить пространство для нас. Но это было такое ощущение! Трудно это описать! Это было чувство страха, потому что ты действуешь на совсем другой территории, разрушаешь все законы, ты боишься, что тебя увидят, но одновременно - это было чувство огромной силы, которая есть в тебе и в людях! - ты захватываешь эти чужие до того места, одно за другим. (глубоко вздыхает) Я, наверное, вообще очень эмоциональный человек и всё это принимаю чисто эмоционально.

ПРОТИВ ВОЙНЫ И ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ

Три главные темы 68-го - протест против войны во Вьетнаме, протест против принятия законов о чрезвычайном положении - эти законы позволяли использовать погранвойска во внутренних конфликтах, а также давали другие чрезвычайные возможности для сил подавления, и третье, за что мы боролись, чего мы требовали - больше самоуправлении в школах. Например, появились полулегальные газеты школьников. В нашей школе был журнал "Искра", но это, конечно, был не большевизм, как у Ленина, это было такое небольшое антиавторитарное издание. В редакции, в основном, были ребята лет 16-ти, года на два старше меня. Состоять в редакции "Искры" было очень престижно! Ну как сейчас престижно иметь какую-нибудь самую новейшую куртку от "Benetton" или другой модной фирмы, так тогда было престижно состоять в этой редакции. Ну, я немножко утрирую, конечно. (смеётся) В этом журнале часто фигурировала пятиконечная звезда, были портреты Маркса, статьи о вьетнамской войне, но и о советской оккупации Чехословакии - тоже.

Вообще, это была такая вспышка, в эти месяцы появилось несколько разных новых течений. Я тогда был в интернате и ещё не решил, в какой фракции я буду участвовать, но я помню, что я выписывал несколько левых газет. Одну лево-социал-демократическую, одну промосковскую и одну пропекинскую - этого было уже достаточно для широкого спектра. Мы сидели там, в интернате, в большом зале столовой и каждый раз после обеда нам приносили почту - и я каждый день получал пачку газет! (смеётся) Мой отец думал: "Ах, мой мальчик, он успокоится, он далеко от этих событий!" (всеобщий смех: все участники разговора ржут в голос). Но я получал эти газеты...

ИДТИ ВПЕРЕДИ ВЗРОСЛЫХ. ВПЕРЕДИ ВСЕХ

Это было очень хорошее время, потому что всё было в плавающем состоянии, каждый день случался какой-то новый сюрприз. Все учителя, все наши родители - они только реагировали на события. А мы - действовали, мы каждый день осваивали какое-то новое пространство. Была очень большая готовность к новому, общество сотрясалось, все ценности были под знаком вопроса, всё, включая общепринятую одежду, идеал "красивой жизни", сексуальное поведение, аборты, которые тогда были ещё запрещены и люди выступали с протестами против этого запрета...

Общество было тогда очень пуританским. То, что сейчас стало привычным, например то, что мы видим на любом углу голых людей - в рекламе или на пляжах, - это тоже было то пространство, которое освоили мы. Были такие акции, например, когда в немецких судах люди начинали вдруг раздеваться в знак протеста, особенно женщины - протестовали против каких-то реакционных законов.

Многое, конечно, изменилось. Многого мы добились. Начиная с того, что у женщин есть права, как и у мужчин, участвовать в общественных процессах, учиться в университетах, получать какие-то посты, - ведь до 68-го все руководящие должности были у мужчин. Тогда не было такого, как сейчас, что на заводах или в офисах больше смотрят на результат, а не на то, кто подчиняется лучше - это тоже достижение 68-го. Или, например, теперь ты не обязан создать семью, ты не обязан по воскресеньям ходить в церковь, у тебя есть право жить, как ты хочешь. Мы тогда собирались группами и жили отдельно от родителей. Мы меняли партнёров. Мы легализовали и признали гомосексуализм, который очень строго до этого был запрещён. Мы начинали интересоваться другими культурами - азиатской, африканской. Сейчас люди просто слушают африканскую музыку и всё, а тогда это было связано с политическими интересами и чувством солидарности - ведь в 60-е каждый год происходила какая-то революция - в Африке, в Латинской Америке, мир был полон движения, во всех сферах!

А из того, что не удалось - мы, к сожалению, потерпели провал с организацией новых коллективных форм жизни. Коммуны держались шесть, максимум - десять лет. Коллективная жизнь, коллективное воспитание детей - чтобы ребёнок воспитывался неавторитарно, чтобы он не был частной собственностью своих родителей, - вот задание для будущих поколений.

МОРАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕВОЛЮЦИИ

Нет, это была не революция. И даже не революционная ситуация. Мы анализировали потом... В принципе, тогда не было смертельной опасности для правящего класса. С чего всё началось? Может быть, вьетнамская война была таким катализатором? Может быть, эта невозможность для американцев победить маленькую страну, - а ведь США - это был наш партнёр, наш "отец", - всё это и разрушило внутреннюю уверенность нашего общества?

Если твой старший брат воюет - и неуспешно воюет, если он использует против маленького народа ужасное оружие, то возникают моральные вопросы. Если он успешно уничтожает маленький народ и побеждает, то, может быть, об этом и не задумаешься, как сейчас в Чечне, когда русские почти победили и моральные вопросы не возникают. А когда супер-держава не может победить... В принципе, что-то подобное, наверное, было в конце Первой мировой войны - на этом фоне и произошла русская революция. Царизм не мог обеспечить военную победу и не мог дать ответов на моральные вопросы... А когда обученная молодёжь начинает ставить моральные вопросы и не получает ответов, всё, как в домино, падает. Один вопрос обрушивает другой, второй обрушивает третий

- и так далее. Война - потом культурные ценности - потом одежда - потом межполовые отношения - потом всё. Всё!

Мы хотели всё убрать. Социализм не был тогда ругательным словом. Были споры - какой социализм, кубинский или вьетнамский? Были люди, которые симпатизировали советскому социализму... Но это было не самое главное, мне кажется, главное было, что ты - против. Очень важно ещё понимать - я сначала забыл об этом сказать, - что очень много было тогда нацистов на руководящих должностях - судей, политиков, важных персон в христианско-демократической партии... Мы были против фашистов, которые остались в обществе на руководящих постах. Мы были против войны. И мы особенно не задумывались, какое именно общество мы хотим. Главным тогда была не наша утопия, главным было то, против чего конкретно мы протестовали.

ПОТОМ, ПОСЛЕ 60-Х

Я вспоминаю это время как большую свободу, большую личную свободу. После этого я попал в политическую организацию и опять началась строгость. По-другому, но всё же. Моменты свободы - может быть, они хаотически выглядят, но лично для меня, наверное, это было самое большое впечатление. Потому что действительно это был момент поиска, ответов тогда ещё не было, никаких ответов не было. Что можно сравнить с этим? Были политические успехи, например, был 74-й год, когда Вьетконг захватил Сайгон. Я помню, какая радостная демонстрация Первого Мая тогда была. Мы шли и кричали: "Erster Mai, Saigon ist frei!" - "Первое мая, Сайгон освобождён!" Ну, это было, может быть, лично для меня, это не типично... Может быть, как я уже сказал, этот толчок для меня был недостаточным, я недостаточно участвовал и я недостаточно взял этой силы, этого антиавторитарного импульса, который тогда был, и потому попал слишком быстро опять в строгую организацию. 74-й год, Kommunistischer Bund...

...Лично я сожалею, что моё поколение очень уж успокоилось, вписалось в Систему. Но хорошо, что мы видим сейчас в Европе новое молодёжное движение, оно возникает, постоянно приходят новые люди, все эти гигантские акции против войны - они что-то дадут...

Беседовали Утэ Вайнманн и Влад Тупикин
[апрель 2003]

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ: ИЗБРАННЫЕ КНИГИ 2004

НЕ РАБОТАЙТЕ. НИКОГДА НЕ РАБОТАЙТЕ!

Боб Блэк. Анархизм и другие препятствия для анархии. М., Гилея, 2004

Для начала: речь в книге не только об анархии и анархистах и даже не столько о них. Скорее - об американской и международной андерграундной полит-тусовке, тесно пересекающейся с тусовкой радикального искусства. Ситуационистский интернационал, панк-рок и только потом уже - анархизм и анархия. Герои этой книги - не только почти никому не известные у нас авторы и редакторы журнала "Processed World" или малопонятные либертарианцы (это такие американские сторонники свободного рынка - до того свободного, что отрицают необходимость государства и потому иногда сказываются анархистами, анархисты же их обычно за своих не считают; от Боба Блэка достаётся и тем, и другим), автор помнит о Малькольме Макларене и Джелло Биафре, о "Maximumrocknroll" и "Sex Pistols", о неоистах и Стюарте Хоуме - и всем, решительно всем раздаёт пизды. Немного не поняли? Пиздюлей всем навешивает. Жестоких. И при этом всё это не

просто "забавно" читать. Какой-то (и немалой) своей частью книга претендует на роль теоретического анархистского сочинения. И это ещё увлекательнее мочилова. Но - обо всём по порядку.

Боб Блэк - почти что маниакальный склочник, едкий критикан, укатывающий своих идейных противников словно гусеницами тяжелого танка, занялся политикой и (контр)-культурой в 70-х. Клеил плакаты, писал памфлеты, разоблачал глупости и срывал маски с "авторитетных представителей андерграунда", поссорился со всеми, с кем было можно и с кем было нельзя, скакал по журналам и издательствам, и при этом постоянно хуячил, хуячил и хуячил (у нас в стране нет такого, мы с ребятами долго думали и поняли, что сравнить, при всём обилии скандалистов, не с кем). И вот, наконец, разменяв шестой десяток, удостоился книжки на русском. Немногочисленное русскоязычное общество фанатов Боба Блэка, до этого довольствовавшееся англоязычными сайтами (и одним русским переводом одной статьи, одноимённой с заглавием данной книжки и побывавшей и на "Анархиве", и в "Воле", и на "Индимедии", и на "Автоном-орге"), встретило новинку рукоплесканиями и принялось всячески радоваться. Взвешивали книжку на ладони, любовно поглаживали, кто-то даже понюхал. А потом раскрыли и слегка оторопели.

Батюшки светы: автор предисловия - Михаил Вербицкий. Уж он-то что тут делает с его излюбленным "лево-правым" синтезом? Решил подверстать к своим идеям Боба Блэка, отчётливо критиковавшего левых, но столь же отчётливо не приемлющего правых? Прикинул, что Блэк будет полезен для его дурацкого "лево-правого" синтеза? Хм, не раз ведь уже говорилось, что "лево-правый" синтез не даёт на выходе ничего нового. Точно так же, как при смешивании одного килограмма варенья и одного килограмма говна получается два килограмма говна, результатом "лево-правого" синтеза оказывается не что-то новое, а что-то правое - иногда это называют "новым правым", а иногда не находят никакой новизны.

Ладно, если пропустить предисловие и вчитаться в саму книгу, то... То и тут есть одна заковыка. Книга Боба Блэка, вышедшая по-русски, составлена так, что большинство статей страшно интересны тем, кто следил за анархистским и ситуационистским дискурсом - тем, кто читал "Аспирин не поможет", "Наперекор" или "Утопию", тем, мимо кого не прошла изданная в позапрошлом году "Радость революции" Кена Нэбба, кто посещал лекции Джорджа Катсиафикаса во время его недавнего российского турне или скачивал из сети книги этого ветерана йиппи, тем, для кого не пустой звук имена Ги Дебора, Рауля Ванейгема и Асгера Йорна, тем, кто знает, что такое "Crimethink" и следит за дискуссиями в американском журнале "Anarchy". Такие люди испытывают радостное клокотание, близкое к предоргазменной тряске, уже при одном известии о выходе Боба Блэка по-русски. Всем остальным, пожалуй, тоже интересно будет познакомиться с полемическими достижениями великолепного склочника. Но всё-таки главная конфетка для неискушённых в тонкостях анархистской, ситуационистской и про-ситуационистской политики, это, конечно, бобоблэковская критика работы, или, лучше сказать, уничтожение работы, которое Боб Блэк столь искусно проделывает теоретически, что начинаешь верить, будто и практика не за горами.

Фундаментальная критика работы - это то, ради чего всем, интересующимся социальными идеями, стоит-таки купить книгу Блэка и то, ради чего стоит её прочесть. До сих пор на русском языке мне не попадалось столь ясного, яркого, страстного, трезвого и убедительного нападения на работу, на идею работы. Наконец-то знаменитый ситуационистский лозунг "Никогда не работайте!", уже мелькавший на страницах пост-советской анархистской и панковской прессы (вспомним, к примеру, "Євробутылку"), обрастает плотью и кровью, наконец-то становится очевидно, что выдвигающие его - не идиоты, не

абсурдисты и не бездельники, а, наоборот, очень адекватные люди, адекватные прежде всего нашему времени, как были адекватны своему времени Маркс и Бакунин, Кропоткин и Эмма Гольдман, Нестор Махно и кронштадтские повстанцы. "Игрушечность", пустяковость многих анархистских рассуждений последних лет объясняется в первую очередь невниманием к современности, неумением её анализировать и, в результате, перенесением в современность пропагандистских клише XIX или, в лучшем случае, - начала XX века. Критика работы, обосновываемая Бобом Блэком (и не только им - но я говорю пока только о текстах, доступных по-русски), даёт шанс русскоязычным анархистам немного подтянуть теорию до уровня XXI века, немного придти в себя и осознать, на каком они находятся свете, в каком мире живут и чего имеет смысл требовать и добиваться, потому что требовать и добиваться этого НЕОБХОДИМО. Всем остальным она ясно показывает: современная утопическая теория - есть. В зачаточном, не вполне прописанном виде, но есть. Но на то она и живая ещё, чтобы быть не до конца прописанной.

Так что не удержусь от повторения лозунга: "Никогда не работайте!"

А что же вместо работы? Как же можно без работы? Э, так я вам и объясню это в двух строчках... Боб Блэк об этом целую книжку написал - и не одну. Читайте Боба Блэка. Не читайте Михаила Вербицкого. Впрочем, неважно. Читайте всё, что хотите. Думайте сами. Авторитетов не существует.

[март 2004]

RAF. ВСКРЫТИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

Том Вэйг. Телемечтатели. Фракция Красной Армии, 1963-1994. Гродно, ГОУПП "Гродненская типография", 2004

Благородное чувство революционной романтики и приподнятости духа иногда толкает людей на необдуманные поступки. Один такой поступок совершил житель Гродно Олег Сивко, опубликовав в ГОУПП "Гродненская типография" свой перевод книги Тома Вэйга "Televisionaries".

Не зря в выходных данных этой книги отсутствует фамилия корректора: очевидно, что корректор совсем не приложил своего глаза ни к рукописи, ни к вёрстке. Многочисленные опечатки, ошибки, несогласования падежей и т.п. встречаются здесь СОТНЯМИ. Не помешало бы также перед сдачей в типографию показать перевод книги и англоязычный оригинал и кому-нибудь, кто хотя бы в школе, хотя бы на тройки, но учил немецкий язык и знаком с элементарными правилами написания и произношения. Тогда бы не было чехарды с "эй"-"ай" в одних и тех же именах собственных на разных страницах, тогда бы знаменитая Бригитта Монхаупт не превратилась бы в Бригитту Монгайпт, Астрид Пролль - в Астрид Пролл, а тюрьма Штаммхайм, где отбывали сроки и были замучены до смерти лидеры первого поколения RAF, не оказалась бы Стаммхаймом. Впрочем, от позора с Монхаупт, Пролль и Штаммхаймом спас бы переводчика простой русский интернет - благо статей о RAF понаписано довольно много, все основные имена и географические названия упоминались в русскоязычной прессе начиная с 70-х годов и обычной пятиминутной прогулки по ссылкам хватило бы, чтобы избежать особо идиотских ошибок.

Но главная беда всё же не в этом (и даже не в закрадывающихся подозрениях: а так ли чел перевёл книжку? а перевёл ли вообще, или насочинял "по мотивам"? - увы, бывает и такое - вспомним сокращённый вдвое-втрое пересказ книги Джорджа Катсиафикаса о немецких автономах, выданный перекладачом за перевод, и вздохнём глубоко). И не в том, что предисловие и послесловие ровным счётом никуда не годятся, демонстрируя, помимо революционного пыхтения, большие пробелы не то что в понимании революционного процесса, но и в обычных знаниях (а ведь теоретики сулят, что следующая ре-

волюция будет постиндустриальной и информационной, что основным средством производства после её победы окажется ЗНАНИЕ). Главной бедой является то, что эта книга вообще вышла сейчас на русском языке, оказавшись первой у нас общедоступной работой, специально посвящённой RAF, - самой известной террористической организации всех времён и народов.

Беда в том, что эта книжка, являясь первой и, боюсь, на долгое время - и единственной по теме, очень уж смахивает на рекламный проспект RAF. На Западе существует обширная литература по этой теме, гигантское количество книг, статей, фильмов. Живы, в конце концов, многие бывшие участники RAF, отсидевшие за это своё участие кто почти 20, а кто и больше, чем 20 лет. И эти люди не молчат. Они высказываются, они оценивают свой опыт. Есть и заявление о самороспуске RAF, сделанное в 1998 году. И итог всех этих текстов, а главное, итог 30-летнего (всё-таки, с 1968-го, а не с 1963-го года) существования самой RAF состоит в том, что это была, хоть и героическая, но ПРОВАЛИВШАЯСЯ попытка. Всего, чего они пытались добиться, встав в 1968 г. на путь вооружённой борьбы с Системой, они не добились. Им не удалось спровоцировать революцию в Германии и в Западной Европе. Им не удалось помочь странам Третьего мира в их борьбе с западным империализмом. Им не удалось вести параллельно боевую и политическую работу, как они хотели, - пришлось ограничиться боевой. Да, они убили нескольких выдающихся сволочей, но они не смогли этими убийствами изменить мир. Они не смогли изменить ничего. Они рассчитывали на массовую поддержку, но не нашли её. А получили поддержку лишь от немногих интеллектуалов - тех, кого, на самом деле, должны были бы, по их логике, презирать. А вот чего им удалось добиться, так это принятия новых людоедских законов, серьёзно осложнивших существование политзаключённым, а также "потенциальным политзаключённым", то есть всем, кто сопротивлялся, сопротивляется и будет сопротивляться Системе и капиталистическому государству на немецкой и европейской земле. А вот опыт других организаций и боевых групп, лишь мельком упомянутых в этой книге, таких, как "Движение 2 июня" или "Революционные Ячейки" (RZ), дал что-то ещё.

Знание о тотальной провальности опыта RAF рассыпано во всём, упомянутом выше, многообразии источников. Но всего этого нет на русском. И скоро, наверное, не будет. Первичная жажда информации удовлетворена самым неправильным образом - переводом и изданием лишённой аналитики книги Вэйга, фактически, просто хронологического списка акций и арестов. Вне контекста немецкой политики тех лет такой список не даёт нам никакого реального знания, он не даёт нам ничего, кроме иллюзии знания и, благодаря этому, неправильной оценки опыта Фракции Красной Армии.

Есть ошибки, которые совершать нельзя. Просто нельзя, и всё. Очень плохо, что своё первое прикосновение к миру левого радикализма Олег Сивко начал именно с такой ошибки.

[август 2004]

ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ УЛЬРИКЕ МАЙНХОФ

Ульрике Майнхоф. От протеста к сопротивлению. М., Гилея, 2004

Для государственной пропаганды террорист - исчадие ада, человек, недостойный звания человека, человек без чувств, без собственной истории, который должен быть стёрт из памяти поколений как оруэлловские "нелица" из газетных архивов. Но если отвлечься от пропаганды и обратиться к анализу, то получится, что у каждого террориста, как и вообще у любого человека, есть своя история, которая и привела его в ряды вооружённого подполья.

Я начинаю рецензию с этого, а не с того, что перед нами - сборник прекрасной политической публицистики, впервые напечатанной по-русски, - потому, что автор сборника Ульрике Майнхоф снискала всемирную славу прежде всего не как журналистка и политическая полемистка, а как одна из создательниц Фракции Красной Армии (Rote Armee Fraktion, RAF), одной из самых известных террористических организаций (наряду, скажем, с российской Боевой организацией Партии социалистов-революционеров (БОПСР), итальянскими "Красными бригадами" (BR) и Ирландской республиканской армией (IRA); "Аль Каиду" же стоит исключить из этого списка, ибо пока это скорее медиальный миф, нежели реальность - не потому, что нет терактов, а потому, что ответственность за них именно "Аль Каиды" кажется весьма сомнительной; но это так, между делом).

Вечно неумытые искатели рецептов "как сделать бомбу из спичечного коробка и куска изоленты" могут заранее обломаться - никакого специального технического знания здесь не изложено; на "Учебник городской партизанской войны" Карлоса Маригеллы книга Ульрике Майнхоф также непохожа ничуть. Книга вообще не имеет отношения ни к терроризму, ни к РАФ, так как составляющие её статьи были написаны до ухода их автора в подполье. И одновременно, конечно же, имеет.

Потому что если политическая журналистка Ульрике Майнхоф годами писала о постоянных нарушениях конституции со стороны правительства, об идеологии потребительства, залившей дешёвым жиром общественную совесть и индивидуальные мозги граждан, об участии бывших, нераскаявшихся, а, значит, в каком-то смысле - и нынешних фашистов в управлении государством и экономикой, о царящей в западном политическом классе двойной морали в отношении стран "третьего мира" (любить богатых "третьемирских" диктаторов, не замечать бедствий народов "третьего мира") и т.д., и т.п., а при этом все бичуемые журналисткой (и не только ею одной) общественные язвы продолжали цвести пышным цветом по воле вполне определённых людей (с конкретными именами, фамилиями, партийной принадлежностью и счетами в банках), то всё это, конечно, имело отношение к терроризму в том смысле, что подготовило её переход на нелегальное положение, переход к вооружённым методам борьбы с государством и капитанами индустрии.

Террористами не становятся просто так, от придури, от нечего делать или от буйного ндрава - во всяком случае, не становятся создателями и руководителями таких террористических организаций, как РАФ. У терроризма есть свои причины - социальные, политические, ментальные (относящиеся к сфере сознания и самосознания). Недостаточно просто денег каких-то иностранных спецслужб, которые, возможно, захотят финансировать террористов на "чужой" территории. Надо, чтобы было, куда вкладывать эти деньги, надо, чтобы были готовы люди, которые займутся терроризмом. А откуда берутся эти люди, что и кто их готовит? Тайные структуры, тайные знания, тайные силы? Нет, ничего подобного. Их готовят страдания, которые они сами перенесли или которым они стали свидетелями, их готовит созерцание и осознание чудовищных несправедливостей, заложенных в текущем общественном устройстве и не только не излечиваемых правящими кругами, но и поощряемых, насаждаемых сознательно, их готовит, одним словом, повседневная политика государства и тех, на кого оно опирается - не только так называемых "силовиков", но и крупных держателей и распорядителей собственности и финансовых потоков.

Является ли терроризм разумным, адекватным, справедливым ответом на угнетение и издевательство - это вопрос, который нельзя решать в целом, тут надо рассматривать отдельные случаи. Например, партизанское движение на территории, оккупированной гитлеровцами в 1939-45 годах, вполне можно назвать терроризмом. Гитлеровцы и назы-

вали. Партизанское движение на территории, оккупированной "федералами" с 1994 по 1996 годы и с 1999 года по настоящее время, терроизмом тоже было названо - и вы знаете, кем. Однако в рамках одной и той же доминирующей системы исторических координат, в рамках одной и той же официально провозглашаемой морали один терроризм принято рассматривать как героизм, а второй - как бандитизм.

Сама Система учит нас подходить к явлениям жизни дифференцированно, вычленяя в них не только схожее, но и различное. Поэтому сейчас, когда нам говорят о том, что страна подверглась атаке международного терроризма, разумно и правильно будет прежде всего спросить, какого именно, международного ли вообще и где, собственно, доказательства (сколько было сказано, например, про убитого в Беслане негра, но публике и прессе его так и не предъявили; или, может быть, это был особый негр, самоотбеливающийся после смерти? как известно, таких "негров" и таких "арабов" целыми пачками разводит официозная пропаганда).

Это всё мысли, не имеющие непосредственного отношения к рецензируемому сборнику, но которые в нынешней обстановке нельзя не высказать, когда говоришь о книжке женщины, вписавшей своё имя в историю в качестве известной террористки, даже если и женщина эта, и организация, ею созданная, больше не существуют на свете, даже если современный терроризм совсем другой, даже если он плохой тотально.

А сама же книжка больше пользы составит не террористам или кандидатам в террористы, а демократическим и оппозиционным журналистам, издателям панк-, хардкор-, хиппи- и прочих фэн-зинов, а также писателям в интернетовские форумы и гостевые книги. Учитесь, господа и товарищи, что такое политический анализ и что такое политическая журналистика на самом деле. Учитесь, пока не поздно, учитесь, пока ещё выходят в нашей стране считанные издания, в которых есть место и анализу, и журналистике. Учитесь, пока у вас остался какой-то ещё выход, кроме перехода на нелегальное положение. Учитесь и реализуйте изученное.

Я намекаю не на судьбу Ульрике Майнхоф, а на судьбу Михаила Кольцова, Осипа Мандельштама, Карла Радека и многих миллионов наших соотечественников, которые перейти на нелегальное положение не успели. И были убиты. Вы знаете, кем.

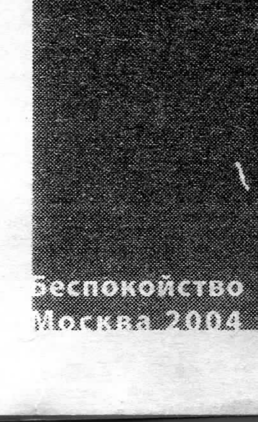
[сентябрь 2004]

тексты рецензий - Влад Тупикин

ГДЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ

Подробнее с кругом идей, затронутых в этой книжке, можно ознакомиться на сайтах **http://volja.nm.ru , http://www.zaraz.org и http://russia.indymedia.org**

Если возникнут вопросы, желание посмотреть упоминаемый где-то тут фильм про аргентинских рабочих или другое подобное видео, обменяться музыкальным и печатным самиздатом или во что-нибудь поиграть, пишите автору на электронку obschtschina@nm.ru или наземной почтой: Тупикину Владлену Александровичу, а.я. 80, М-208, Москва, 117208, Россия.

Беспокойство
Москва 2004